
Беспредельщик
Мария Устинова

Мария Устинова
Беспредельщик

https://litres.ru/74718208

Аннотация

Между нами не было любви. Он жестокий и страшный человек, но в беспощадной войне криминальных кланов у нас с пятилетней дочкой нет шансов. А он сказал: станешь моей женой, я буду на твоей стороне. Любви не было… Ни грамма. Она переросла в чувство, о котором страшно говорить вслух.

Также в тексте:

- вынужденный брак с жестоким мужчиной - очень сильные чувства - от ненависти до любви - запретная любовь - нежность и жестокость - откровенные сцены (18+)

Предупреждение: ОЧЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО!!! Острый сюжет. ХЭ Однотомник.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	58
Глава 8	64
Глава 9	72
Глава 10	80
Глава 11	89
Глава 12	96
Глава 13	104
Глава 14	113
Глава 15	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Пролог

Дисклеймер

Все герои и события вымышлены, происходят в вымышленном месте. Все совпадения случайны. Книга предназначена для читателей старше 18 лет. Сцены эротики, жестокости или насилия, в том числе сексуального, употребления алкоголя или табака, нецензурная брань, и другие спорные моменты служат исключительно для раскрытия художественного замысла, присутствуют с художественными целями, и осуждаются автором.

Он не за мной пришел. За моим бывшим мужем.

Мне просто не повезло.

Злой… Изуродованный. Взбешенный тем, что мой муж с ним сделал. А вместо него нашел меня – одну в большом доме, беззащитную.

В холодном гараже, куда он меня забрал, темно. Запястья горят от наручников. Я не сумела освободиться, только руки себе содрала. Теперь я догадалась, почему в доме меня оставили одну. Потому что я овца на заклание. Жертвенное животное, которое швыряют хищнику, чтобы он утолил жажду крови.

Перед дверью раздаются тяжелые шаги. Когда она открывается, я поднимаю заплаканное лицо и сердце сводит от

страха. Он приковал меня к стойке, я сижу рядом с ней. Мне некуда деться.

– Привет, Ника, – сильно, с сексуальным придыханием, говорит он.

Меня бросает в дрожь. Так страшно, что хочется кричать. Плохая идея, он оборвет мой крик ударом. Схватив за горло, он вздергивает меня на ноги. У него необычный парфюм. «Грязный», горький, с запахом сырой древесины и чего-то терпкого. Я задыхаюсь от этого запаха и боли в горле.

Беспредельщик – могучий мужчина. У него бычья шея, мощные плечи, а рука крепкая, как сталь. Час назад он забил человека насмерть. Плетеный браслет из красных нитей растрепался и разлохмаченный край щекочет шею. Мне так страшно, что я воспринимаю реальность урывками.

– Где этот ублюдок?

– Не знаю… – еле шепчу я.

Я была готова к вопросу. Я его ждала. Я не знаю ответов и боюсь, что Беспредельщик заставит меня отвечать. Он будет жесток, потому что у него нет причин быть мягким.

– Ага, – говорит он, из-за пояса сзади выдергивает пистолет и упирает мне в лоб. Я плачу, тело обмякает. Холодным дулом он ведет по носу вниз, проводит по влажным губам, словно предлагает попробовать. От оружия мерзко несет металлом, холодным вкусом страха и пота, гарью и оружейной смазкой.

– Где девочка?

– Что? Моя дочка? – я так пугаюсь, что снова могу говорить. – Почему ты спрашиваешь про дочку? Она ни при чем… Беспредельщик, прошу… Тебе нужен мой муж, не она!

Прозвище его злит. Он сжимает пальцы и я хриплю, пока он зло дышит мне в рот. На лице багровые шрамы от ожогов. Я не хочу на них смотреть и закрываю глаза.

– Как ты меня назвала? – дуло давит сильнее.

– Прости, – шепчу я, а по щекам быстро ползут слезы. – Прости меня… Прости. Только не убивай. Я тебя умоляю, не убивай нас!

Он смотрит на мои губы. Проводит большим пальцем, сминая их: то ли заставляет замолчать, то ли наслаждается их сочностью. Я знаю, он убьет меня, как остальных. Потому что так принято по их законам.

– Отец сказал, если я не достану твоего мужа, привезти семью. Тебя и дочь.

Его клан злится на нас. Раньше я выла в разлуке по дочери, а сейчас рада, что она не со мной. Им нужен кто-то, кого демонстративно казнят. Кому отрежут пальцы, уши, затем голову и по кускам отошлют моему мужу в наказание.

Нижняя губа дрожит, но я набираюсь храбрости.

– Возьми меня, если хочешь, – срывающимся шепотом предлагаю я. – Возьми меня, Беспредельщик. Только ее не трогайте. Ей всего пять.

Я говорю, преодолевая мощные пальцы на шее. Мне боль-

но, но я должна его уговорить. Обязана. Сердце обливается кровью, горит в страхе по ребенку.

– Я не знаю, где она. Нас разлучили. Прошу…

Я молю, а он смотрит на мои ноги. Ремешки босоножек туго врезались в лодыжки. Ему это нравится. Навевает ассоциации с путами, связанными ногами, с доминированием, властью, сексом. Он поднимает безжалостный взгляд. Женщинам такого мужчины полагается крепко затягивать ремешки на ногах, чтобы все видели: она при муже, у него крутой нрав, и ей многое приходится терпеть в этих отношениях.

– Скажи спасибо своему ублюдку, из-за него тебя приговорили. Я должен отвезти тебя в Москву. Ты можешь поехать в мешке для трупов, – продолжает он. – А можешь стать моей женой. Тогда я буду на твоей стороне, когда ты окажешься там.

Я надрывно дышу, не понимая, о чем он. Беспредельщик, не отстегнув наручники, прижимается ко мне телом. Отшатываюсь, бьюсь затылком об бетонную стену, но продолжаю непонимающе смотреть на него.

– Не понимаешь, что нужно делать? Иди ко мне.

У него меняется голос. Появляется хрипотца.

Он убирает руку с горла, сует пистолет за пояс и хватает меня за лицо. Я вздрагиваю, когда он целует меня взасос, и в гараже становится тихо – только позвякивают об стойку мои наручники, пока мы целуемся. У него очень сильный язык. Он легко преодолевает сопротивление моего рта. Трется об

мой, обводит изнутри губы. Я понимаю, что ему нужно. У него стояк. Он хочет меня прямо здесь, прямо сейчас.

– Беспредельщик… – обреченно шепчу я и начинаю дрожать, когда он меня отпускает.

Он дышит открытым ртом и пристально смотрит в глаза. Я догадываюсь, зачем он привез меня сюда. Не для допроса привез, он хочет заняться со мной любовью. Иначе бы еще в доме прикончил, вместе с остальными. Мне больно, очень больно от наручников, но я пытаюсь собраться с мыслями.

– Зачем? – шепчу я. – Не понимаю. Для чего я тебе?

– Я думал, профессиональная содержанка соображает быстрее, – говорит он, расстегивая ремень. – Это не твое дело, Ника. Лучше сделай мне приятное… Ради тебя мне придется пойти против серьезных людей. Докажи, что ты этого стоишь. Встань на колени…

Глава 1

За три месяца до

– Мама, смотри!

Голос взлетает высоко-высоко, звенит от счастья. Мое чудо, маленькая принцесса с черными, как смоль, косичками, бьет палкой по сверкающему шару и оттуда сыпется конфетти, игрушки и леденцы.

Все в восторге и хлопают в ладоши. Даже директор ресторана, который арендовал мой бывший на пятилетие нашей дочки. Натянутая улыбка выдает страх. Я этого директора понимаю. Бывший может горло перерезать от уха до уха, если ему что-то не понравится. Персонал трясется вместе с шефом.

Мой бывший сидит рядом, пьет, болтает по телефону и всякий раз хватает официантку за зад, когда та подходит. Дети празднуют в игровой комнате. Я тоже туда хочу, но вынуждена сидеть здесь. Его требование. Я его ненавижу, но терплю ради дочери. Он выставил условия, а я была вынуждена принять. Когда богатый мужик с положением и связями в криминале ставит условия двадцатипятилетней сироте, у которой за душой ничего, кроме косы – это пат. За меня некому заступиться.

У него несколько железных традиций. Ежегодные поси-

делки в детском ресторане – одно из них. Приглашает весь бомонд города, в том числе криминальный и на публику изображает заботливого отца. В остальное время он нас не вспоминает.

Толя был ужасно разочарован, когда узнал, что я ношу дочь. Бракованная баба. Не пацана родила.

– Мама!

Дочка, размахивая палкой и хохоча, стоит в дверях игровой комнаты. В белом сарафане в ромашках, две черные косы, а на голове красный ободок.

– Мама, я попала!

Она хвастается, что с одного удара разбила шар. Я машу в ответ и улыбаюсь. Толя морщится – мы обе его бесим. Полина тем, что не сын, а я тем, что родила Полину. А я была просто рада, что у меня есть хоть одна родная душа.

Я не знала родителей. Вместо них я придумала новых папу и маму. В детстве представляла, что они отдали меня, потому что злые люди заставили. Отправились в кругосветку и их яхта затонула. Или… Миллион причин. Они были алкоголиками, их лишили прав. Когда я выросла, предпочла об этом не думать.

Когда мне было семнадцать они умерли. После совершеннолетия я выпустилась из детдома, вступила в наследство – это была комната в коммуналке с водопроводом на улице. Жизнь была ужасна. А я красивая – черные кудри, идеальная фигура, глаза голубые. Только не во что было красоту

одеть. Подруга предложила подработать в клубе. Именно там я встретила его. Толе было пятьдесят, карманы у него ломились от денег, он был щедрым и говорил красивые слова. На следующий день пригласил к себе и тет-а-тет предложил содержание. Я растерялась, а подружка спросила – что ты теряешь? Ты и так парня найдешь, только одному придется борщи варить и работать, а этому только борщи и сексуальное тело. Он о тебе позаботится. Будь я старше или умней – я бы отказала.

Но он выглядел таким крутым! Настоящий мафиози. Ласковый поначалу. Это позже началось – за что я плачу, за то, что ломаешься? Да кому этот штамп в паспорте нужен – успокаивала подружка. Ну женится на тебе какой-нибудь дурак. Детей ему рожай, стирай носки, а тут все красиво… Гражданский муж – это тоже муж. Но сказка рано или поздно кончается. Через год он откровенно начал меня унижать. Плюс у полиции к Толе были претензии, но ему удавалось выходить сухим из воды. Я была обучена, что говорить и как себя вести, если нагрянет ОМОН.

Затем я не вовремя забеременела. Он известие принял холодно. Не знаю, почему дал мне родить. На мне еще были розовые очки. Это позже я узнала, что других девочек Толя отправлял на аборт. Одну насильно. Девушку привезли в подпольную клинику и все сделали силой. Почему повезло мне? Толя сказал, что полюбил меня. Но я его страшно разочаровала – родила девочку, которая кричала и требовала

внимания. Мне была куплена в качестве отступных скромная квартира на Пушкинской, куда нас с малышкой выселили бугаи из охраны Толи. Отвезли с парой чемоданов и оставили в пустой квартире. На следующий день в «нашем» с Толей доме появилась новая девушка.

Сказать, что моя жизнь разбилась – ничего не сказать. Это был шок. Я удивленно смотрела на голые стены, отсутствие мебели, даже холодильника не было… В чемоданах скромные пожитки и немного денег. Еще вчера я ела с золотых блюд, а сегодня никому не нужна и с малышкой на руках. Без поддержки, друзей. К концу месяца Толя без объяснений перечислил небольшую сумму. Он официантке под настроение мог оставить больше. Через месяц – еще чуть-чуть. Я поняла, что буду получать подъемные, пока малышка не подрастет. У меня была квартира. Помощь от Толи плюс пособия – получалось нормально. Я не голодала, у ребенка было все необходимое, но не больше. А в роскошном «порше» ездила другая, другая носила мою блэкгламу и пальто из свакары. За те же подачки, что Толя мне кидал, спрашивали с меня по полной…

Детская часть праздника шла к концу. Полина устала, подходит и прислоняется ко мне, зевая.

– Детям пора домой, – Толя залпом допиваетстакан с виски, и вальяжно подманивает няню. – Полинку домой вези. Мы еще посидим.

– Я тоже поеду, – спохватываюсь я.

– Нет, ты останешься, – тоном, не терпящим возражений, отрезает он.

Черт. Я скованно целую дочь и улыбаюсь.

– Мы с папой еще посидим.

Она маленькая – не замечает подвоха. Бежит за подарками, затем уходит с няней. Потихоньку дети разъезжаются. В зале остаются подозрительные мужчины с женами: Толины друзья и коллеги.

Я рассматриваю скатерть и молюсь про себя, чтобы время шло быстрее. Я страшно хочу домой. У него подружки нет что ли, зачем мне здесь сидеть? В зал входит опоздавший гость, я со скуки вскидываю глаза.

Опасный человек – кричит инстинкт. Я у Толи на таких насмотрелась. Выбить долги, избить кого-то, наехать – для этого нужны люди особой категории. Этот из таких. Только в отличие от них одет прилично. На нем итальянские туфли, облегающие джинсы и модный пиджак. Молодой, не старше тридцати пяти. Взгляд скользит по гостям, ни на ком не останавливаясь, пока он идет через зал к нашему столику.

– Его не хватало, – улыбаясь, сквозь зубы цедит Толя.

Мужчина без разрешения садится к нашему столу. Кладет сверху руки – мол, не дергайся, пушку не прячу. У него крупные ладони, а костяшки разбиты в хлам.

– Привет, – на моего бывшего он смотрит прямо и без страха, замечает меня и спрашивает. – Жена?

Я тоже на него смотрю. Впервые его вижу. У него нос с

горбинкой, голубые глаза и светло-русые волосы. Я поскорее опускаю взгляд, пока Толя не заметил. Я должна выполнять несколько правил: никогда не перечить ему, жить одна и не встречаться с мужчинами. Иначе у меня отберут дочь. Возможно, когда-то мне очень повезет и Толя ослабит контроль, но пока я не дам ни малейшего шанса в себе усомниться.

– Ты по делу?

Шестым чувством я ощущаю, что мужчина все еще заинтересованно смотрит на меня.

– Жена? – с неуловимой агрессией повторяет он и бывший неохотно уступает.

– Баба бывшая. Содержанка, – презрительно кидает он. – Мы в детском ресторане, Беспредельщик… Имей совесть. Давай не сегодня о делах.

– Я тебе не Беспредельщик. Ты что? – незнакомец презрительно щурится.

– Прости, Алекс. Вырвалось. Давай потом, у дочки день рождения.

– Не вижу тут детей, – он снова смотрит на меня. – Тебе отец бабки давал. Навар получил?

– О, надо же, – Толя смеется, глотает виски, изображая довольного жизнью человека, но на шее выступает пот. – Вы мне не доверяете? Если сказал – все хорошо, я слово держу. Передай папе, что он выгодно вложился. Алекс, вы меня обижаете. Все верну с процентами, месяц покрутить надо.

Он пододвигает Беспредельщику стакан, наполняет вис-

ки. Толкает тарелочку с оливками и тонко нарезанным лимоном.

– Посиди с нами, выпей за мою дочку. Ей пять.

Беспредельщик мерит его взглядом. В голубых глазах презрение, затем цыкает, берет стакан и делает первый глоток. Морщится, словно виски плохое.

– Хорошо у вас тут. Весело, – хотя в зале висит мрачная тишина, только громко играет грустная французская песня о том, как «мой малыш застрелил меня».

Позади стягиваются мужчины из числа приглашенных – охрана Толи. Беспредельщик безразлично сидит к ним спиной. Он приканчивает виски до конца, холодно и неискренне улыбается Толе.

– Значит, через месяц мы сказочно разбогатеем, – он смеется и кидает мне. – Пойдем, потанцуем.

Огромными глазами я смотрю на Толю. Тот делает вид, что ничего не происходит. Он ведь сам сказал, что я бывшая… Даже не жена – содержанка. Пока я пялюсь на Толю, Беспредельщик встает, берет меня за руку и ведет на середину зала. Он не похож на человека, который умеет танцевать, но уверенно притягивает меня за талию к себе. Как я ни пытаюсь держать дистанцию, мы вплотную. Он сладострастно прижимается ко мне всем телом – словно положить на себя хочет. Я пытаюсь обернуться – Толя игнорирует мой полный мольбы взгляд. Скрипит зубами, наполняя стакан снова. Бесится.

Кажется, я понимаю, почему меня пригласили на танец. Это отличный повод облапать меня на глазах у публики. Танцуем только мы, а остальные смотрят – Беспредельщика это не смущает. Кажется, даже доставляет удовольствие. Ладонь развязно скользит по моей спине, второй бережно, но твердо он зажимает мою руку в стальных пальцах.

– Как тебя зовут? – он наклоняется щекой к щеке.

– Ника…

– Расслабься, Ника. Получай удовольствие.

Он почувствовал, как я напряжена. Есть с чего: как бы за попытку подразнить Толю публично, потом не влетело мне. Беспредельщику он ничего не сделает, а вот я… Я испуганно дышу. Танцует он так себе, но ведет уверенно. Песня неожиданно заканчивается и он наклоняется, словно хочет что-то сказать.

– Спасибо за танец.

Мы танцевали не больше минуты, но я перепугана насмерть. Бегу в туалет и склоняюсь над раковиной, промокая водой горящие щеки. Пульс лихорадочно бьется в висках. Кто-то входит, я боюсь, это Беспредельщик, но все хуже – это Толя.

– Ты охренела? – мне приходится пятиться, пока он идет на меня.

– Я ни причем… Я не виновата, – у меня срывается голос. – Ты рядом был, ты же видел, что…

Меня обрывает пощечина. Не очень тяжёлая, но звонкая

и болезненная.

Так и знала.

– Будешь еще хвостом вилять? – цедит он.

Я не виновата, но бормочу оправдания. От обиды дрожит губа: он же сам все видел, почему не вмешался.

– Нет…

– Быстро домой, – сумочку, которая висела на моем стуле, он швыряет мне в руки.

Я выхожу из туалета и поскорее пересекаю зал. Мне хочется на воздух, потому что грудь сдавило от обиды, я не могу дышать. Беспредельщик за нашим столиком как ни в чем не бывало пьет виски. Они все одинаковые. Этим мужчинам плевать на женщин. Деньги, власть, самоутверждение. Средние ценности криминалитета.

Дома я ложусь на кровать рядом с дочкой, перебираю черные косы, плачу и засыпаю рядом с ней. Моя девочка – самое дорогое, что у меня есть. Награда за страдания.

Утром я дергаюсь от каждого шороха, постоянно проверяю телефон, но Толя забыл обо мне. Я благодарю высшие силы, услышавшие мои мольбы. Наверное, надрался, проспался, и забыл об инциденте. Ну, ничего. Забыли. Лишь бы не приехал качать права и не забрал дочь.

К полудню я окончательно успокаиваюсь, дожидаюсь няню и спускаюсь в кондитерскую за булочками к чаю и свежим багетом. Не успела выйти со двора, как сзади просигналили. Я шла дальше, устало глядя под ноги. Я к этому привыкла.

Толя говорил: у меня лицо, как у куколки. Черные густые волосы, длинные ноги и хорошая фигура. На меня часто обращают внимание мужчины. Главное, не поднимать глаз, не поощрять их и сами отстанут.

Просто смотри вниз и иди.

– Ника! – долетает развязный окрик, и я останавливаюсь, как вкопанная. Меня догоняет массивная красная тачка со спортивными формами. Низкая, с широким длинным капотом. – Садись в машину, поговорим.

За рулем сидит Беспредельщик. Он что, сумасшедший? Зачем он меня преследует? Щека еще зудит после вчерашнего удара.

– Не бойся, приставать не буду. А сама не сядешь, украду и закрою, красавица.

Глава 2

– Извините, нет, – я иду дальше.

Слежу за осанкой и походкой, чтобы скрыть страх. Случается то, чего боялась: позади хлопает дверь, меня догоняет Беспредельщик.

– Ты почему в машину не села, боишься? – он преграждает мне путь. Я смотрю на него, солнце бьет прямо в глаза, и я щурюсь, отчего взгляд кажется скептическим. – Ты хорошо танцуешь, знаешь?

Я хочу сказать: из-за твоего бахвальства меня ударили по лицу, но отворачиваюсь и смотрю через дорогу. Он не отвяжется. Такой же, как Толя, только моложе лет на пятнадцать.

– Свободна вечером? – продолжает он.

– Извините, – тихо, но твердо повторяю я. – У меня дочь. Я не могу, не встречаюсь.

В моих глазах горечь – неужели он не видит? Я опускаю взгляд и пытаюсь его обойти, но Беспредельщик хватает меня за локоть.

– Не понял, – лицо меняется в мгновение, он выглядит так, словно перед ним должник, а не девушка, которую он позвал на свидание. – Ты мне отказала? Ты?

– Отпустите.

От холодной злости в глазах по спине пробегает холодок, но он убирает руку. Я бегу в кондитерскую и через высокую

витрину, смотрю, не пойдет ли следом. Постояв, Беспредельщик уходит к машине. Слава богу.

Я покупаю булочки с корицей и курагой – для дочки, два багета. Покупки складывают в хрустящий бумажный пакет. Дрожа, как осиновый лист, возвращаюсь обратно. К счастью, красной машины во дворе нет и я, выдохнув, поднимаюсь домой. До вечера удается делать вид, что все в порядке. Няня уводит Полинку в сад и на занятия, а я работаю несколько часов, затем готовлю обед для дочки. Тороплюсь, смотрю на часы. Дел еще много, а вечер скоро.

Толя работать не разрешал. Ему не нравилось, что я могу выходить в люди, возможно, буду среди мужчин… Он из тех, кто считает, что женщина должна быть босой и беременной на кухне, до тех пор, конечно, пока она в форме и не приносит проблем. Я выучилась на бухгалтерских курсах и это здорово помогло, когда он меня выставил. Пособия иссякли, а денег, что давал Толя не хватало. На алименты, как советовала подруга, я подавать не стала. Она же советовала мне с ним замутить роман и принять щедрое предложение спонсорства… Из-за этого козла вся жизнь наперекосяк. Пока он не сдохнет или не сядет, я не найду ни мужа, ни хорошей работы. Я набрала несколько частников и вела бухгалтерию на удаленке. До сих пор боюсь, что Толя об этом узнает.

Вечером я обычно забираю дочку сама, но сегодня скопилось много работы. Полинку заберет няня к шести. Я выключаю суп, быстро мою посуду, раскладываю по местам нехит-

рые кухонные мелочи – обожаю наводить порядок. Подоконник у меня заставлен статуэтками, декоративными чашками, фигурками животных, которые очень любит дочка. Складываю стопкой салфетки, прихватки и бросаю случайный взгляд в окно. Боже. У подъезда красная тачка Беспредельщика – ее ни с чем не спутаешь, настолько незнакомые и чужие у нее обводы.

Первое желание – бежать вниз, чтобы встретить Полину. Но он не за ней. Меня Толя ненавидит, я для него вроде бывшей ненужной шлюшки, которую он спонсировал, пока она не «испортилась»… Но Полина его дочь. Никто ее не тронет. Разве что он сам. Гад на красной тачке караулит меня.

Звонит телефон, я смотрю на незнакомый номер и решаю не отвечать.

Он звонит, звонит и звонит. С интервалом в пять-десять минут, очень настойчиво, упорно. Кажется, Беспредельщик из тех мужчин, что лбом прошибают стену, когда им нужно.

Я представляю, как он бесится с каждым звонком и решаю ответить – Полинка вот-вот придет. А если я отключу телефон, кто сказал, что он не начнет ломиться в дверь. Лучше сейчас послать.

– Алло, – ровно говорю я.

– Я хочу с тобой встретиться, – по телефону его голос звучит сексуально, со странным придыханием, словно ему очень приятно со мной говорить или он мечтает обо мне прямо сейчас. – Не ломайся. Нарядись и спускайся ко мне, ку-

колка. Я тебя жду.

Я закусываю губу и чуть не плачу от этой непрошибаемости:

– Простите, но я…

– Цену набиваешь? – перебивает он. – Я хорошо заплачу. Сколько ты хочешь? Я дам вдвое. Только спускайся сейчас, красавица. Прокатимся, минет и классический секс в машине. И все. Никаких извращений. Только здоровый качественный трах, Ника.

Мне словно отвесили пощечину. Перед глазами появилось отвратительное лицо Толи, он небрежно бросает «содержанка». Вот почему он так нагло настойчив…

– Толя вас обманул, – дрожащим голосом говорю я. – Я не шлюха. Я была его гражданской женой.

Кладу трубку и плачу навзрыд, задыхаюсь от боли. Так обидно, что незнакомый мужчина принял меня за проститутку. По-деловому расписал, чего хочет и сколько за это даст. Плачу, а машина Беспредельщика во дворе расплывается от дымки слез и превращается в красное пятно.

Кажется, он вышел из машины и смотрит вверх.

Снова звонок, затем смска.

«Прости, я понял. Возьми трубку».

Сомневаюсь, но беру на следующем звонке. Он влажно дышит: еще не остыл от своих фантазий.

– Был неправ. Спустись, покатаемся часок, и все.

Он думает, я куда-то поеду после того, что он сказал? Я

мучительно подбираю слова отказа, чтобы он перестал надоедать.

– Я знаю, где ты живешь, Ника. Я приеду завтра, послезавтра… Каждый день, пока буду в городе. Я затащу тебя в сраную тачку… – голос становится резче, я пугаюсь.

– Послушайте… Не знаю, как вас зовут, но оставьте меня в покое! – чеканю я. – Я не хожу на свидания, Толя мне запретил. Это условие, при котором мне оставили дочь.

Я надеюсь, в нем есть человеческое. Но мужчины на сочувствие не способны.

– Дочь? – цепляется он, нащупав слабое место. – Ника, поехали. Или я скажу, что ты на меня сама вешалась и на минет за бабки согласилась. Дочь тебе точно не оставят.

– Что? – я задыхаюсь от страха.

– Давай. Принарядись и вниз.

Я кусаю губы, понимая, что загнала себя в ловушку. Толя ему поверит. Он считает женщин продажными – я сама ему продалась когда-то, согласившись на условия. А сейчас у меня нет денег. И Беспредельщик это знает. Ублюдок. Такой ядовитой ненависти я давно не испытывала.

– Пообещайте, что не будете приставать. Ведь не будете?

Он смеется, отшучивается и просит поторопиться. Я кладу трубку, плачу несколько минут, затем умываюсь, глядя на себя в зеркало в ванной. Не хочу я идти. Плохое предчувствие. Плохо все это закончится.

Взвешиваю шансы. Может, Толе позвонить… Вспоминаю

вчерашнюю пощечину и съеживаюсь – плохая идея. Виноватой буду я. Беспредельщик отговорится, скажет, сама напросилась после вчерашнего танца, а Толя… У него свой взгляд на жизнь. Решит, что бывшая содержанка полезла в штаны конкуренту от обиды и безденежья. Так же я чувствовала себя, когда мне – бывшей воспитаннице детдома – Толя сделал предложение. Пат. Отсутствие выхода.

Заранее ноет сердце, но я пишу смску няне с предупреждением, еще раз умываюсь и иду одеваться. Краситься не буду – пусть в заплаканные глаза смотрит. Во двор спускаюсь в том же виде, что и утром. Свободное пастельно-розовое платье на каждый день, в комплект к нему простые сандалии и сумка.

Как ни в чем не бывало, Беспредельщик открывает передо мной пассажирскую дверь.

– Наконец-то, – благодушно улыбается он.

Я сажусь вперед, Беспредельщик обходит машину и падает за руль. У него отличное настроение – добился своего.

– Пристегнись.

Он заводит двигатель.

– Слышишь? – он нежно улыбается мне, я не понимаю, что должна, по его мнению, слышать, и хмурюсь. – Восемь цилиндров. Пятьсот лошадей. Это звук мечты, Ника. Мустанг-Шелби.

Не впечатляет. Мне не до этого – я поглощена страхом. Он притопил газ и меня вжало в кресло. У больших мальчиков

свои игрушки. Стволы, тачки, красивые девочки. Мной он так же будет хвалиться друзьям: какие у меня сиськи, и как дала.

– Не грусти, Ника, – он лихо сворачивает на проспект и гонит в пригород.

Машина необычная: в ней чувствуется мощь, а звук у двигателя другой. Низкий, объемный. Я понимаю, что мы едем за город и начинаю дрожать. Беспредельщик молчит, иногда смотрит на меня – что-то оценивает холодными голубыми глазами.

Мягкий закат раскрашивает красный капот «мустанга» цветными пятнами: золотой, розовый, бордовый. Теплый бархатный вечер опускается сверху. Воздух душистый, словно цветы и травы после жары решили взять свое. В приоткрытое окно поют сверчки. Я хочу спросить, куда мы едем, но боюсь. В горле застрял ком, мне больно глотать. Он все гонит и гонит, а я вспоминаю, как он хотел секса в машине.

Быстро темнеет, свет фар скользит по обочине. Дорога пустынная.

– Почти приехали, Ника… Если хочешь, там сзади бутылка с ликером. Выпей, расслабься.

Вокруг степь, приятно пахнет летом, а мне хочется скрестить ноги. Если он остановится в этой глуши, я не докричусь, не дозовусь помощи… Наверное, и пытаться не стану. Нет смысла. Посопротивляюсь и сдамся. Беспредельщика за это я заранее ненавижу, но лишь бы потом не сказал Толе…

Глава 3

Не хочу пить. При мысли о ликере к горлу подкатывает тошнота.

Беспредельщик абсолютно спокоен.

Он сбрасывает скорость, ищет, где свернуть или припарковаться. Я дрожу и сжимаю сумочку. Вдруг вместе с ночным ветром в салон врываются приглушенные звуки музыки с низкими басами. От нее вибрирует авто и сердце в груди. Он не в глушь меня везет, чтобы склонить к близости… Здесь люди.

Из-за поворота выбивается свет, словно там тысяча прожекторов. В белесом свете кажется, что черные ветки акации на обочине с криком тянутся к небу.

– Приехали, – небрежно бросает он.

Мы проезжаем мимо светопреставления: я не понимаю, что вижу. На заброшенной бетонке толпятся авто. Свет фар, рев движков, визг резины, гремит музыка. Во все стороны летит пыль и прет дым от покрышек. Людей много: парни, девушки. Беспредельщик тянет шею, рассматривая, что там происходит, и ухмыляется.

– Мы ненадолго, не волнуйся.

Я смотрю на него огромными глазами, пальцы побелели на крепко сжатой сумочке, но меня потихоньку отпускает. Он паркуется подальше от толпы на обочине. В салоне ста-

новится темно, музыка тише, только басы пробирают до самого сердца.

Беспредельщик поворачивается ко мне и отстегивает ремень.

– Меня Алекс зовут. Александр, – он облизывает губы, смотрит на мой рот, затем в глаза. – Извини, я неправильно все понял. Бес попутал.

– Ничего, – я прячу взгляд.

Он выбирается из машины, помогает выйти мне. Ветер доносит запах пыли и паленой резины. Я смотрю в сторону бетонки, над которой беснуется свет, а авто визжат все громче.

– Что это?

– Здесь гонщики собираются, – Беспредельщик-Алекс ныряет в авто и выпрямляется с бутылкой ликера и бумажным стаканчиком. – Дрифт-пати. Решил глянуть, что творят. Была когда-нибудь? Нет? Присядь.

Я пристраиваюсь на нагретый капот, под которым что-то потрескивает. Мне неловко, страшно, я нерешительно беру стаканчик. От ликера пахнет кокосом и алкоголем.

– Мне нельзя. Ребенок дома ждет…

Алекс не давит, а выплескивает стакан на обочину. Опирается на капот мощными руками, чтобы быть ближе ко мне, и я перестаю дышать. Смотрит в глаза с нескольких сантиметров. У него холодный взгляд – как у рептилии. От близости этого мужчины быстро бьется сердце. Не потому, что он мне нравится – от страха. Я боюсь того, что он говорит.

– Ты очень красивая, Ника. На актрису похожа, как ее…

– На Монику Беллуччи.

– Да. Ты очень мне понравилась.

Голос снова сексуальный. Алекс представляет то, о чем просил: как я беру в рот у него в машине. Смотрит на губы. С бетонки доносятся восторженные выкрики, но Алекс смотрит на меня.

– Я еще месяц в городе, – шепчет он, и меня пробирают мурашки, он обещает тайну, но говорит взвешенно, по-деловому. – Что я должен сделать, чтобы ты согласилась скрасить это время?

Я качаю головой и тоскливо смотрю в небо. Он не понимает «нет». Думает, у всего есть кнопка, нажав на которую, получаешь желаемое.

– Я договорюсь с Захаровым, не волнуйся.

Он назвал моего бывшего по фамилии.

– Алекс… – тоже шепотом отвечаю я. Колючая сухая трава касается щиколоток и пальцев ног. Босоножки не годятся для прогулок в поле. Пахнет чабрецом и полынью. Горько и надоедливо. Разбитые мечты пахнут так же, вы знаете? – Он все равно накажет меня, даже если разрешит. Обязательно накажет.

– Он должен огромные деньги моей семье. Договорюсь.

Алекс подается вперед и неожиданно накрывает мои губы своими. Пальцы ныряют в волосы на затылке – в поцелуе он ведет так же смело, как в танце, но я опускаю голову к пле-

чу. Такое ощущение, что я выпила тот ликер. Голова идет кругом, как у пьяной. Пять или почти шесть лет ко мне не прикасался мужчина. А молодой, сильный мужик – вообще в первый раз. Я до обморока слабею от страха и желания – не секса, а желания еще раз ощутить это.

– Ника… Ну, что ты творишь… – разочарованный голос Алекса рвет в клочья, столько в нем эмоций.

Он нависает над моим плечом. Платье у меня свободное, я слишком поздно понимаю, что через горловину он видит мою спину до самых ягодиц. Здесь темно… Может, не заметит…

– Что у тебя на спине? – вдруг спрашивает он.

Не успеваю даже дернуться: Алекс приспускает ткань платья. Я вжимаю голову в плечи, когда он прикасается к рубцам между лопаток. Подруга как-то сказала, они похожи на срезанные крылья.

– Не понял. Это от чего? – он смотрит мне в глаза. – От плети?

В голосе недоверие. В современном мире сложно такое представить.

– Нет… – не хочу объяснять, откуда они, это слишком трудно, и лгу прямо в глаза. – Они у меня давно, с детства.

Я натягиваю платье обратно. Горячая рука Алекса ложится на шею, гладит, спускается на плечо. У него такая большая ладонь, что накрывает его целиком. Первый тактильный контакт. Это безумно приятно – у меня страшный голод по

прикосновениям. Настолько сильный, что вопреки здравому смыслу замираю… Но пересиливаю себя и спрыгиваю с капота. Нечего мечтать о несбыточном.

– Ника!

Алекс хватает за руку, притягивает к себе и зло дышит в ухо – распаленный, недовольный тем, что не даю прелюдии развиться. Он не может просто поиметь меня, опустив сиденье в «мустанге» – люди кругом.

– Эти ограничения у тебя в голове, – отрывисто говорит он. – А чувства – это скорость. Пределов нет, пока сам их не поставишь.

– Да вы счастливчик, – от неожиданности усмехаюсь я, – если можете себе такое позволить.

– Привет! – к нам по обочине идет долговязый парень. – Эй, вы кто?

– Новый участник, – Алекс отпускает мою руку, и отсчитывает парню взнос из бумажника. – Объяви Алекса Лайфера на «Шелби». Наслаждайся, Ника.

Он идет к машине, а я понимаю, почему он сказал это – про чувства и скорость, и щеки печет от стыда. Алекс заметил мой дикий голод. Он резво стартует с места и пробирается к бетонке. Я бреду туда, робко вхожу в толпу, чтобы посмотреть.

«Мустанг» уже там. Его приветствуют восхищенным свистом. Массивный капот залит светом фар, двигатель ревет – Алекс трижды жмет газ, приветствуя толпу в ответ.

Я скованно наблюдаю, не зная, куда деть руки. Все так странно, необычно. После наступления темноты я не выходила из дома. Если бы не постоянный страх внутри, я бы признала, что это здорово. Несмотря на пыль, запах выхлопа, бензина и жженой резины – классно. Ветерок касается голой кожи и развевает подол платья.

Алекс резко, с пробуксовкой, стартует.

Рядом со мной девушка с прекрасными формами: джинсы обтягивают ягодицы, как вторая кожа, пронзительно визжит, вскинув руки, как только Алекс выжимает газ. Во все глаза я смотрю на происходящее. Приземистый «мустанг» пошел вбок, энергично, но плавно. Несколько маневров и Алекс прибавляет обороты: из-под задних колес валит дым. Сбрасывает скорость. Выворачивает руль в другую сторону и зеркально повторяет маневр.

Красиво. Я наблюдаю за зрелищем – не балет, но глаз не отвести. Девушка рядом что-то кричит мне, но слова поглотил шум. Я вижу только радостно-восторженное лицо.

– Что-о? – кричу я.

– Говорю, твой парень?! Вы откуда?

Я глупо улыбаюсь, жму плечами и пытаюсь ускользнуть в толпу. Толя не узнает, что я была здесь, но лучше, если меня не запомнят.

Здесь запахи выхлопа и резины сильнее, от них непривычно дерет горло. Одиночный заезд был разминкой, к «мустангу» присоединяется белая машина. Обводы у нее другие, но

дым из-под колес идет так же споро. В синхронном повороте кажется, что одна наседает на другую. Алекс делает это резко, с напором. Намного более массивная красная тачка опасно прет на вторую боком.

Я не понимаю, кто выигрывает – если это вообще соревнование, но мне интересно. В душном степном воздухе, под звук визжащих двигателей и покрышек раздвигаются рамки моей золотой клетки. Я вижу, что реальный мир больше того, в котором живу я. В нем встречаются чудеса.

Под конец заезда красный «мустанг» бьет соперника в крыло. Скрежет, металл вминает с громким хлопком и тот сходит с трассы. Я пугаюсь, вокруг охает и ревет толпа, но конфликт не получает продолжения, словно здесь это обычное дело. Алекс уводит «мустанга» с площадки и отгоняет к обочине. Его окружают зрители, со всех сторон летят вопросы: а сколько сил, свап, цена бюджета? Алекс коротко отвечает и идет сквозь толпу мне навстречу.

– Как тебе? – приобняв за плечи, он ведет меня к «мустангу», от разогретого капота несет жаром. – Все нормально?

Усаживает в салон. Я благодарна – тачку окружили со всех сторон, местным интересен заезжий выскочка. Я смотрю на них сквозь стекло, голоса долетают плохо, зато музыку ощущаю всем нутром. Нам предлагают остаться, спрашивают про второй заезд, но Алекс качает головой.

– Мне пора, девушка ждет, – Алекс обходит машину, кажется, его спрашивают про инцидент во время заезда, пото-

му что он отвечает. – Дистанцию надо держать.

Мимоходом он трогает поврежденный бампер и садится за руль.

– Погнали? – Алекс сладко, очень сладко смотрит на меня. – Я озеро рядом знаю, очень романтичное… Хочешь посмотреть?

Ответа он не ждет и заводит тачку. Гонщики, музыка, и пыль остаются позади. Словно еще не остыл, он выворачивает руль, в пол выжимает газ. По правому борту идет пыль, мы лихо сворачиваем на проселочную дорогу. Открывается вид на озеро. Это скорее пруд, но очень красивый. Темная вода серебрится от взошедшей луны, тихо шумят деревья. Вокруг ни души.

Алекс паркуется под серебристыми тополями. Я выхожу из машины, восхищенно глядя, как по поверхности озера идет серебряная рябь. Абсолютная тишина. Ветер и шелест трав. Запах полевых цветов. Я в шоке от этой красоты.

Позади тихонько хлопает дверь, я оборачиваюсь: Алекс стоит перед машиной и смотрит на меня.

– Иди ко мне, – с сексуальным придыханием просит он.

Глава 4

– Иди ко мне, – повторяет он.

Я его почти не боюсь.

Когда мы ехали сюда – даже трясло, но после «развлекательной программы» страх притупился. Опытный. Я сразу не распознала в нем глубины, он показался мне поверхностным. Но Алекс расчетливей, чем я думала.

– Я тебе не нравлюсь?

Смешной вопрос. Он же видел с кем я жила, видел Толю. Алекс моложе, выше, сильнее, у него нет лишнего веса. Я поворачиваюсь к нему, устало глядя. Мне кажется, что я много-много старше и знаю все об этой жизни. Как будто мне семьдесят.

Я понимаю, как он себя ощущает – звездой. Хочет все: поблистать на дрифт-пати, навести шороху, наехать на местных, повалять самую красивую девчонку, чтобы потом вернуться и рассказывать, как «всех натянул». Никаких полумер. Всё или ничего. И ему плевать, что станет с теми, по кому он прошелся танком. Со мной. С Полинкой.

– Поймите… Вы развлечетесь и вернетесь домой. А я останусь. С испорченными отношениями, один на один с Толей.

Он подходит первым. В волосы на затылке запускает пальцы. Мы стоим вплотную, словно он хочет потанцевать со

мной, как в ресторане. Я опускаю голову, зная, что он все равно подберется к губам, если захочет. Дрожу, но не отстраняюсь, пока Алекс влажно дышит в ложбинку на шее.

– Хочешь, я тебя в Москву заберу? – предлагает он.

Я усмехаюсь: надо же, как вскружила ему голову. Но это временно, страсть к красивым женщинам недолговечна. Попробует, насытится, проспится – потом неминуемое похмелье и меня сменит новая муза. Красота – не дар, это самое большое проклятие на земле…

– Не давайте невыполнимых обещаний, – шепчу я.

Зачем они это делают? Обещают луну с неба, а назавтра забывают. Лгут и не жалеют. Почему только им так можно?

– Я всегда держу слово, Ника.

Он целует в то место на шее, куда я обычно наношу духи. Очень чувственно. Вспыхиваю с первого прикосновения и не могу понять, что со мной... Надо уйти, сказать нет, по рукам его ударить, но я стою и жду, что он сделает дальше. Меня бьет крупная дрожь.

Еще один поцелуй в шею. Затем в щеку – неуклюжий из-за разницы в росте. Я пытаюсь дать себе больше места, упираю руки ему в грудь. Его тело будто из стали. Ладони скользят по напряженному торсу, и Алекс силой целует меня взасос, притягивая за спину.

Он подхватывает меня под ягодицы и выпрямляется. Теперь мы одного роста. Я чувствую себя уязвимой, открытой ему – Алекс сжимает мои ягодицы и хорошо, что поверх пла-

тья. Ставлю локти ему на плечи, а он вновь ловит ртом мои губы. Несколько шагов и Алекс заваливает меня прямо на горячий капот.

– Ника… – шепчет он.

У меня очень свободное платье… Когда одевалась дома это казалось хорошей идеей. Но теперь руки Беспредельщика беспрепятственно проникают под него, сжимают маленькую грудь. От неожиданности я выгибаюсь. Я боюсь этого, я этого не хочу, но тело наполняется сладкой истомой. Она забирает силы. С ней невозможно бороться. Чувство похоже на сеть, под которой можно биться сколько угодно, задыхаться, но не выпутаешься. Под этим платьем маленькая я, голая, не считая скромных танга под цвет платья. Под этим платьем он может мять меня всю.

Словно малолетки, мы возимся на капоте. Все началось с дурацкого поцелуя. Одного поцелуя. Но слишком далеко зашло. Не понимал он моего голода, не мог его утолить, меня наполнить – я прекрасно помню, кто такой Алекс, кто я и знаю, что ничем хорошим это не кончится. Ничем, кроме секса на капоте. Но головокружительный шепот такой убедительный… Что хочу ему верить. Так хочу…

– Ника…

Ладонь скользит по ноге вверх. Я начинаю дрожать – мне страшно. Пущу его выше, остановить не получится, а вместе с тем так сладко, так приятно, так хочется еще... Пальцы щекотно касаются резинки белья. Я сжимаю колени и хватаю

его за запястье, хотя живот сводит от сладкого, болезненного желания. Но страх сильнее. Он отрезвляет. Толя убьет меня. Заберет Полинку… Мысль кажется спасительной.

– Алекс… Алекс, остановись, – молю я. – Мне нужно домой, меня ребенок ждет…

– Полчаса, – просит он, сжимая меня в медвежьих объятьях.

– Алекс, нет. Пожалуйста.

Он наваливается, жадно и сильно целуя. Подкладывает ладонь под затылок, чтобы не было больно. Под его весом я распластываюсь по капоту, таю под натиском молодого зверя. Пальцы проникают под резинку, гладят, а затем, удовлетворенные реакцией, без разрешения проникают внутрь. Я задыхаюсь от страха и ощущений, которые знакомы и незнакомы одновременно.

– Алекс, хватит, – хрипло шепчу я, хотя это уже ничего не изменит. Беспредельщик познал меня пальцами и хочет большего. Он что-то сладко шепчет в ответ, просит довериться, позволить себя любить…

Но нас прерывают: из темноты появляются несколько мужчин. Я вздрагиваю, отодвигаюсь, чтобы спрятаться от незваных гостей за широким капотом и спиной Беспредельщика. Поправляю вырез, скрывая ноющую от сильных пальцев грудь. Я не знаю, кто это, от страха голова идет кругом: они видели, что он делал со мной на капоте, видели эти бесстыжие ласки…

Пульс колотится в висках. Я почти ничего не слышу от страха: я боюсь, это люди Толи… Они окружают Алекса, разговор идет на повышенных тонах: он огрызается, поворачивается, чтобы уйти и тут один из них наносит по крылу «мустанга» удар битой. Я понимаю, что это парень, машину которого Алекс протаранил во время заезда, и меня отпускает. Он почти подросток, ему лет восемнадцать-девятнадцать, не старше. Просто дорожный конфликт, Толя ни при чем… Удар звучит глухо, и Алекс сразу же выхватывает из-за пояса пистолет, который я не заметила. Рукояткой он бьет парню в нос и тот падает от неожиданности, закрывая ладонями лицо. В темноте кровь выглядит темной и маслянистой. Она пачкает руки, течет до самых локтей дорожками. Беспредельщик несколько раз пинает его – зло, не жалея. В темноте мелькает оскаленный рот. А когда парень перестает сопротивляться, наводит оружие автоматическим движением.

– Не стреляй! – вскрикиваю я.

Мне показалось, он хотел...

Алекс медлит. Дважды парней просить не надо. Поняли, что нарвались не на того. Фигуры растворяются в темноте, через полминуты хлопают двери авто. Раздается звук двигателя – они уезжают. Он оборачивается, опуская оружие. Наверно я жалко выгляжу: дрожу на капоте, обхватив себя руками и скрестив ноги.

– Они почти дети, – бормочу я, глядя исподлобья.

Я так смотрела на Толю, если ему перечила.

– Человек перестает быть ребенком, – отрывисто говорит он. – Когда берет в руки оружие, поняла?

Алекс осматривает крыло, водит по нему ладонью.

– Твою мать… Испугалась? – он видит, что я перепугана, остыла и больше не в настроении. – Извини за испорченный вечер. Отвезу домой.

– Спасибо, – выдыхаю я и с облегчением сажусь в машину.

Алекс бросает на меня оценивающие взгляды, затем сосредоточивается на дороге. Я на него не смотрю – мне стыдно. Такая неприступная, и в тот же день позволила почти все. Только я не знаю, как его остановить, границы он продавливает играючи. Он собран и не выглядит расстроенным, но я вижу, как его ломает. Что же касается меня – мое тело в шоке. Я прислушиваюсь к себе: к пульсации внизу живота, томности, которая охватила мышцы, к слабым коленям. Приспускаю стекло и дышу воздухом, чтобы остыть и не думать об умелых пальцах Беспредельщика.

Когда мы заезжаем во двор, я по привычке бросаю взгляд на окна и успокаиваюсь: в кухне горит свет, а в комнате дочки – голубоватый ночник.

Тянусь к двери, но Алекс хватает меня за запястье.

– Стоять, – глаза холодные, а на губах появляется улыбка. – Поцелуй меня, куколка.

Я замираю… А затем наклоняюсь к нему и он мою голову двумя руками берет, словно боится, что обману. Последний поцелуй. Надеюсь, что последний… Мы целуемся глубоко,

и я даю себе ощутить удовольствие без примеси страха. Я знаю, что сейчас уйду и чувствую себя в безопасности.

– Я тебя трахну, – шепотом обещает он. – Завтра вечером поимею, поняла?

Я отстраняюсь от рук и выскакиваю из машины, пока он не разошелся. Поднимаюсь к себе и выглядываю в окно подъезда. Красный «мустанг» все еще во дворе. У меня ноги слабые, во рту его вкус, я вся измята сильными руками. Как это приятно... Тело поет, пылает, как после хорошего массажа… Только после массажа не приходится менять белье. Чувства потрясающие. Это пугает. Пугает, потому ощущения необыкновенные. От мысли, что этого не повторится, я не могу дышать от боли. Внутри что-то воет и стонет от тоски.

Слова Алекса так и стоят в ушах. «Я тебя трахну».

Будь ты кем угодно, Алекс Лайфер, больше всего я мечтаю, чтобы ты разложил меня на капоте. Мечтаю о сильном теле, похотливых руках так сильно, что краснею. Мечтаю, чтобы он выбил Толе зубы и увез меня на край света. Я боюсь мечтать, потому что мои мечты никогда не сбываются.

Поднимаюсь домой, что-то бормочу недовольной няне – не договаривались, что я так поздно. Рассчитываюсь и прошу завтра не приходить. В ближайшие дни хочется запереться дома, заниматься Полинкой, пока сумасбродные мысли не улягутся.

На смену желанию приходит страх. А вдруг Толя допро-

сит няню? А вдруг… Спокойно, он годами про нас не вспоминал, не считая ежемесячных переводов и дней рождения дочери. Его нынешняя девушка – такая красавица. Пусть за ней следит.

Но утром, когда пью кофе, неожиданно вижу, что во дворе паркуется Толин внедорожник. Он выходит, приземистый и массивный, как питбуль, и уверенно идет к подъезду.

Глава 5

Дочка еще спит. Няню я сама просила не приходить.

Мы будем наедине.

Ноги становятся ватными, меня ошпаривает страхом – с места сдвинуться не могу. Толя открывает своим ключом. Выхода нет: сжимаюсь в комок и жду расправы. В горле болезненно бьется пульс, а лицо начинает гореть.

Не сняв обуви, Толя входит в кухню.

Прищуренные глаза, тяжелый подбородок и нитка сжатых губ – он никогда не улыбается, словно зол на весь мир. Непроницаемое лицо не дает подсказок, как себя вести. Я даже не понимаю, знает ли он про Алекса… Но иначе он бы не пришел, верно?

Он не мог за мной следить – я ему не нужна. Но я покрываюсь потом. Мне так страшно, что перед глазами плывет, я начинаю пятиться, пока под колени не упирается стул. Неловко сажусь, потому что ноги не держат. Молчу, смотрю исподлобья, втянув голову в плечи, и жду.

– Полинка где?

– Спит…

Толя выдвигает стул и по-хозяйски садится напротив.

Взгляд скользит по ногам, груди. Я боюсь шевельнуться, пока он меня рассматривает. Из внутреннего кармана он достает черную пачку сигарет. Закуривает, чиркнув дорогой

зажигалкой. По кухне идет неприятный, горький дым очень крепких сигарет.

– Пепельницу.

Пепельницы у нас нет. Я не курю, а Толя в нашей квартире, кажется, впервые за пять лет. И хотя купили ее мне, хозяином он себя считает. Вместо пепельницы я подаю декоративную тарелку с подоконника.

– Моя девчонка заболела, – говорит он, стряхивая пепел на расписанную розами керамику. – Подцепила грипп, сука драная. Едешь со мной в «Кипарис». Вызывай няню.

Я пялюсь на него большими глазами.

«Кипарис» – загородный клуб. Место для своих. Комплекс с сауной, бассейном, были даже конюшни, но с лошадями не пошло и когда я была там в последний раз, их переделали для хранения инвентаря. Толя с друзьями посещали его потому, что хозяин был «своим», держал подпольное казино и столы для покера, а бар, где ждали всегда готовые на все девочки, никогда не закрывался.

Сказать «нет» – не могу. Как это нет, Ника? – спросит он, и прищурится. У него очень неприятный взгляд. Я нервничаю всякий раз, когда он на меня смотрит. Этот страх въелся под кожу, он часть меня. Холодок, который сочится по венам вместе с кровью.

Но сказать «да» не могу тоже… Я не хочу с ним в клуб. Это не просто пройтись под ручку. Во-первых, в «Кипарис» он ездит с ночевкой, иногда на все выходные. Во-вторых, ес-

ли он будет в настроении и не слишком нажрется, с ним придется переспать. Если ему будет лень – тогда минет. Я раньше часто делала. Но именно сегодня при мысли об этом к горлу подкатывает приступ тошноты.

– Надолго? – уточняю я, и добавляю, чтобы не злился. – Полинку нельзя оставлять одну…

– Она уже большая, – перебивает он. – Быстрее, у меня бронь на полдень. Максимум до двух, потом можешь валить. У меня встреча.

Я никак не могу понять, о чем он думает. Неужели совпадение и он не знает про нас с Алексом? Дело всего лишь в том, что его мадам заболела и нет знакомых подстилок согреть ему постель, кроме меня? Мне становится не по себе. Дочка подросла… Ей уже пять. Как он убедился на дне рождения, с ней уже не так трудно, как во младенчестве… А вдруг он решил вернуть меня?

– До двух ночи… Или дня?

– До ночи. Ты оглохла? – цедит он, мне ничего другого не остается, как позвонить няне и попросить приехать.

Я надеваю теннисное платье, сандалии и крашусь в ванной. Руки дрожат, когда я обвожу губы светлой помадой. Меня словно взяли в заложники – так я себя ощущаю.

– Переоденься, – морщится он, когда я возвращаюсь на кухню. – Выглядишь, как овца.

С упавшим сердцем я возвращаюсь в комнату. Нахожу черное обтягивающее платье, к нему – босоножки на высо-

ком каблуке. Застегиваю высокую кожаную шнуровку, тонкие ремешки плотно обхватывают лодыжки. Толя появляется на пороге и одобрительно хмыкает.

– Красную помаду, – требует он, и я закусываю губу.

Он как-то сказал, что у меня очень эротичный рот. Настоящие врата в рай. Его очень возбуждало, когда я подчеркивала губы. Толе уже за пятьдесят, к нему нужен специальный подход. Сегодня он одевал меня так, словно хотел развлечься.

На кухне мы дожидаемся няню. Я сижу, опустив взгляд, сердце колотится, как сумасшедшее. Всей кожей я чувствую взгляд бывшего. Очень циничный, неприятный, ощущаю себя резиновой куклой, которую подготовили к «работе». Мне кажется, он не знает про Алекса. Иначе влепил бы еще с порога. Главное, чтобы няня ничего не сболтнула…

Но она – женщина понятливая. С порога здоровается и становится к плите, приготовить оладьи к завтраку. Я целую дочь, говорю, что мы с папой едем за город, но скоро я вернусь, привезу булочек с курагой, мармелад и плюшевого зайца, которого мы видели в магазине игрушек… Сажусь на постель, обнимаю теплую со сна Полинку. Меня не оставляет плохое предчувствие. Она зевает, но сонно обнимает меня в ответ и бормочет:

– Только купи голубого, ладно, мам?

Я смеюсь, глажу черную макушку. Заяц был в трех расцветках: красный, розовый и голубой. Я с ней согласна – по-

следний вариант самый приятный.

– Обязательно, – шепчу я.

Толя в детскую даже не зашел. Я еще раз целую дочь и мы спускаемся к внедорожнику вместе с бывшим.

– Садись, Ника, – он улыбается, как варан. – И заглохни, пока не приедем.

Ненавижу этот тон. Вальяжный, вызывающий отвращение голос хозяина жизни, который говорит с холуем. Он всех называл холуями, кто его обслуживал: официантов, консультантов. Женщин. Проклиная все на свете, я сажусь на пассажирское сиденье. Выехав со двора, Толя сразу гонит, чтобы успеть проскочить перекресток на зеленый. Не успевает, но топит педаль в пол и нагло прет на красный.

Он не мог следить за мной, думаю я… Но мог следить за Алексом.

«Он должен огромные деньги моей семье».

Я помню, о чем они говорили. Толя обещал через месяц вернуть деньги. Алекс столько же должен пробыть в городе: его прислали контролировать Толю по поручению семьи. А мой бывший – настоящий хищник. Он должен был поставить за Беспредельщиком слежку, но тогда он видел, как мы…

Внедорожник сворачивает по направлению к клубу. Мне давно не было так страшно. В окнах мелькают сосны, Толя громко говорит по телефону, а у меня в животе холод, словно я пригоршню льда проглотила. Когда жила с Толей, я этого холода не замечала, так к нему привыкла, что считала нор-

мой, пока не поняла, что это чувство тревоги и вызывает его он. Интуиция всегда предупреждала, что это опасный человек, только тогда я еще не умела распознавать ее сигналы.

Но сейчас все прозрачно: в клубе что-то произойдет.

Я взвешивала все варианты: у него встреча, он решил отодрать меня напоследок или подразнить Беспредельщика? Для обычного человека Толя непостижим: он непредсказуем.

Загородный клуб окружает высокий забор. На воротах КПП со шлагбаумом и видеокамеры. Снаружи маленькая парковка для гостей, постояльцы клуба паркуются за оградой. Территория за этим забором большая, там и зеленые насаждения, и пруд для рыбалки, и даже небольшое поле для гольфа.

За воротами он пристраивает внедорожник на парковке. Там пять-шесть дорогих марок, но «мустанга» среди них нет. На крытой веранде уже готов стол. Летний ветер треплет белый балдахин, пахнет шашлыком.

Я иду к столику вслед за бывшим. Для загородного полудня я слишком ярко и вызывающе одета.

– Привет! – мужчины по очереди встают, жмут Толе руку.

Некоторых я знаю – видела раньше. Мы рассаживаемся. Мужчинам приносят шашлык и алкоголь, мне не заказывают даже воды. На меня вообще не обращают внимания.

– Погода хорошая, – многозначительно говорит Толя. – Вечером с парнями на косулю пойдем…

Мужчины мало говорят о делах, больше о повседневном: коньяк хороший, а шашлык мягкий, о новом Толином ружье, о политике… Это не деловая встреча, а обед выходного дня. После обеда мужчины сердечно прощаются и покидают клуб. Толю я сопровождаю до вечера. Он плавает в бассейне, немного играет в гольф, сидит на веранде и курит, созерцая сосновый бор. Меня не оставляет ощущение, что мы чего-то ждем. Собираются сумерки. Персонал разжигает фонарики, и вся лужайка оказывается в уютных огнях.

Скоро приезжают его парни – я узнаю его телохранителя и двух подручных. Нервно ерзаю в плетеном кресле, пока они говорят. Скрестив ноги, делаю вид, что безмятежно смотрю на темно-голубую гладь бассейна, а сама напряжена до последней жилки. Ветер доносит с веранды отдельные фразы и смех. Один из них заинтересованно оглядывается, словно речь идет обо мне.

Мы договаривались до двух, если Толя сдержит слово, «отбывать» не так много. Часов пять, и я вернусь домой. Но меня гложут предчувствия. Я не понимаю, для чего Толя заставил поехать с ним. Он почти не обращает на меня внимания, я прислуживаю и изредка ловлю на себе непонятный, холодный взгляд. Еще и заставил так одеться…

Мужчины расходятся с веранды. Толя манит меня и направляется к джипам.

– Поедешь с нами, посмотришь, как косулю бьем.

– Я не одета для охоты… – бормочу я, но иду следом.

Сдержанно-воодушевленные мужчины собираются. Хлопают двери внедорожников. Меня сажают за тонированное стекло на заднее сиденье. Как-то раз Толя взял меня на охоту сто лет назад. До сих пор помню подстреленного оленя с вытаращенными от ужаса глазами и выпавшим языком. Туша с запрокинутой под весом рогов головой, произвела на меня ужасное впечатление. Было жаль животное. Было неприятно смотреть на мужчин, разделывающих тушу – им это доставляло удовольствие.

Но сегодня что-то иначе. Сегодня что-то не так.

Толя садится вперед, место за рулем занимает «мальчик на побегушках» – долговязый парень с выступающим кадыком. Помню его, Костик, кажется. Семь лет бегает за Толей и чуть ли не в зад целует шефа, но так и не выслужился.

Цепь внедорожников выбирается за ворота. Сначала гоним по асфальту, затем попадаем в развороченную колею и пробираемся вглубь леса. В салоне висит мрачная тишина. Парнишка нервничает. Под колесами трещит валежник, фары выхватывают из темноты деревья и густой кустарник. Колея превращается в просеку, затем колеса цепляют асфальт: мы выбираемся на опушку и огибающую ее заброшенную дорогу. Наш джип останавливается, а сопровождающие двигаются дальше.

– Шеф, ну я пошел?.. – волнуясь, спрашивает парнишка.

– Давай.

Мы с Толей остаемся наедине. Он с удовольствием за-

куривает и смотрит в темноту. Фары гаснут, но я успеваю рассмотреть заброшенные строения, окруженные лесом. Его парни к чему-то готовятся: сгоняют машины, вытаскивают что-то квадратное из багажников. Все возбуждены, как перед охотой, но место странное и впечатление, что они ждут кого-то или что-то…

– Беспредельщик, – говорит он, завидев свет фар на просеке.

Я вздрагиваю: от тона бывшего и клички.

Они ждут Алекса…

Неосознанно съеживаюсь, пока Толя спокойно тянет сигарету. Вижу его лицо вполоборота: злое, опасное. Это не «мустанг», по той дороге он бы не прошел. Новая черная тачка.

– Идиот, – бывший презрительно смотрит, как Алекс выходит из авто, жмет парням руки, ни о чем не догадываясь. Смеется, оглядывается: то ли меня ищет, то ли Толю.

Ловушку готовят на него, но Беспредельщик об этом не подозревает… Толя тушит сигарету в пепельнице и оборачивается ко мне. Я перестаю двигаться и дышать.

– Ты понимаешь, почему ты здесь, Ника? О чем мы с тобой договаривались?

Глава 6

– Так что, Ника? Почему молчишь? Каким был уговор?

Не встречаться с мужчинами. Никогда не перечить ему.

Я не могу выдавить ни слова. Не дышу, только слушаю и про себя повторяю: не смотри на него. Не смотри... Одного взгляда хватит, чтобы бывший понял, как мысли об Алексе не давали спать прошлой ночью.

– Человек серьезно накосячил. А ты, Ника? Что насчет тебя?

Толя говорит спокойно, но он всегда тихий и рассудительный, если злится. Чтобы не допустить ошибку. Не сорваться. Месть он подает холодной. Он отворачивается к окну и я тоже смотрю на происходящее на поляне. Голова кружится, потому что я перестала дышать, но смотрю, как Алекс, ничего не подозревая, весело болтает с людьми Толи. Не чувствует опасности. В голове бьется: дурак, дурак, дурак… Как будто он может слышать мои мысли.

Я уже все поняла: по шелестящему змеиному голосу бывшего.

Алексу показывают вглубь леса, и когда он беспечно поворачивается, вытаскивают у него из-за пояса пистолет. Он удивленно разводит руки и отступает назад. Взгляд недоуменный. Я помню, как вызывающе он вел себя в ресторане. Он из тех, кто может, уверенный в своих силах, повернуть-

ся спиной к врагу. Ни бога, ни черта не боится… А тех, кто считает себя неуязвимыми, всегда подстерегает опасность.

Костик – а оружие забрал именно он – рисуясь, наводит на Алекса его собственный пистолет. Перед Толей выслуживается. Худосочный парнишка перед мощным Алексом выглядит карикатурой. Что-то насмешливо говорит – оскорбление, судя по неприятно удивленному лицу Алекса. Костик, не опуская оружия, пятится назад, чтобы уступить место бугаям из охраны. Алекс стоит неподвижно, пока его окружают шесть или семь мужчин. Взгляд устремлен к Костику, наверное, он что-то обидное сказал.

– Смотри, – говорит Толя, закуривая следующую сигарету.

Алекса бьют в лицо, и я опускаю глаза вопреки приказу. Пялюсь на свои коленки, едва прикрытые подолом гламурного платья, и прислушиваюсь к шороху с переднего сиденья. Толя не комментируя, наблюдает за расправой.

Не знаю, сколько это длится. Через автомобильное стекло долетают сдавленные мужские крики. Мне кажется, сначала он сопротивляется. Но на стороне Толи ночь, много времени и крепкие парни.

Я не смотрю, чем и как его бьют.

Не хочу.

Слышу, что чем-то тяжелым. От страшных криков снаружи начинает трясти.

– Зачем я тебе квартиру купил, сука? Чтобы ты там хво-

стом крутила перед своими уродами? В доме, где дочь моя живет?

Я обливаюсь потом, глядя на свои дрожащие руки. Пытаюсь натянуть на колени подол, чтобы не выглядеть падшей женщиной. Костяшки на пальцах белеют, так сильно я вцепилась в ткань.

– Выходи из машины, Ника, – продолжает Толя.

Перестаю дышать.

Почти ничего не чувствуя, словно я во что-то эфемерное превратилась, потеряла тело, выбираюсь из машины и смотрю на Беспредельщика. Боже… Взглядом повторяю путь: от машины, где его в первый раз ударили и где накапало кровью, до асфальтовой дорожки в черных пятнах от тютины, по которой он полз. Боже… На бордюре, заляпанном кровью и битумом, остались следы шин и красный отпечаток ладони. Словно он вытер разбитое лицо, а затем оперся на бордюр, чтобы встать. Боже… Алекс все еще пытается подняться, хотя избит сильно – очень сильно. Я его не узнаю. Не могу разобрать черты лица за слоем крови, гематомами и отеком.

Он еще жив. Его били долго, но он выживет. Если помогут.

Только здесь некому помочь.

Псы Толи окружили его, ожидая приказа – они готовы продолжить. А я выпала из реальности, ничего вокруг не видела, кроме тела Алекса в конце дорожки. Не могу поверить… В голове пролетают слова: в Москву тебя заберу, до-

говорюсь, он моей семье должен… Толя не любит отдавать долги.

В ушах шумит. Звуки долетают издалека.

– Ника… – я начинаю слышать после того, как коренастая фигура Толи заслоняет обзор. – Сука ты драная… Ты меня слышишь?

В шоке смотрю на озверевшее лицо. Таким полным ненависти я его никогда не видела. Он орет на меня, обвиняя, но я почти ничего не слышу, словно смотрю видео без звука. Только белый шум.

В себя меня приводит сухой звук пощечины.

Удар такой сильный, что я падаю на колени и, рефлекторно прикрыв ладонью щеку, ошеломленно смотрю снизу вверх… Затем взгляд сам собой возвращается к Алексу. Кашляя кровью, он пытается встать, а его снова бьют. Это конец, его не оставят в живых. У Толи нет выбора.

Он замечает мой взгляд.

– Жалко? – говорит он. – Если да, пойдем к любимому. Очная ставка.

Реальность падает на меня, как цунами. Вместе с ощущениями, запахом леса, сигарет Толи и его хвойным парфюмом, вместе с запахом крови, с болью в ободранных коленях и в отбитой щеке. Я понимаю, зачем меня привезли… Полинку заберут, а мне придется разделить участь Беспредельщика.

– Толя, что ты… – лепечу я, глотая слезы и, кажется,

кровь. Во рту солоно. – Зачем он мне нужен… Я тебя люблю, слышишь?!

Я вцепляюсь в брючину, в голосе столько слез и надрыва, что Толя медлит. Смотрит в глаза, пытаясь понять – правда или нет. Я взахлеб реву по дочери, и молюсь, чтобы он поверил. И понимаю, есть шанс: это ведь он меня бросил. И ему нравится, что я рыдаю, сжав губы и, обламывая ногти, цепляюсь за его штаны.

Он пинает меня, как прилипчивую кошку, и я падаю на асфальт.

– Он тебя трахал, – уверенно говорит он. – Видели, как вы сосались в машине.

Я быстро соображаю. Трахал. Он не знает про нашу возню на капоте и чем все закончилось, за нами следили только в городе. Видели, что Беспредельщик возил меня на природу, потом мы целовались в машине…

Вспоминаю дьявольский поцелуй и мычу сквозь слезы:

– Он меня заставил... Заманил… – слова приходят на ум сами, словно мне подсказывают, что говорить, чтобы спастись. – Толя, он меня изнасиловал. Сказал, что убьет, если я тебе расскажу… Толя, я клянусь, клянусь, клянусь…

Я кричу, вымаливая себе жизнь.

Толя отступает и дает отмашку своим людям.

Сердце обливается кровью, но я заставляю себя смотреть, как его бьют толпой, уже неподвижного, затем руки сковывают наручниками и тащат к машине. К той черной тачке, на

которой он приехал. Избитого Алекса зашвыривают в машину. Парни резво обливают капот и крышу из канистр. В воздухе сильно пахнет бензином. Я понимаю, что сейчас произойдет.

Плачу с закрытыми глазами. Неужели это из-за меня… Я настолько поражена, что шепчу это вслух.

Бензин стекает под машину. Сквозь дымку лобового стекла я вижу мутный силуэт в салоне. Мне хочется исчезнуть. Я не хочу этого видеть, и когда Толя идет к машине, поднимаюсь и по дорожке бросаюсь к лесу.

Я бегу со всех ног. То ли от меня никто не ожидал побега и растерялись, то ли решили потешиться, но мне удается достигнуть первых деревьев и даже вскарабкаться по склону. Ладони жжет от острой травы, за которую я хватаюсь, чтобы не упасть. Но каблук подворачивается, и парни быстро настигают меня.

Меня хватают под руки и волокут обратно.

Я ору до боли в горле, ору до тех пор, пока крик не утрачивает человеческое, превращаясь в полный ужаса вопль. Так животные орут перед смертью.

Больше всего шокирует, что парни веселятся и шутят. В конце концов, кто-то хватает меня за волосы и силой сажает в джип Толи. Как кошка в клетке, я мечусь по салону, перебираюсь на заднее сиденье, пробую двери, пока на поляне не вспыхивает зарево. Тогда я замираю, прижав ладони к запотевшему стеклу и смотрю, как полыхает машина Беспре-

дельщика. Я безумно боюсь увидеть, как он бьется внутри, но не могу отвести взгляд.

К машине, хорошо видимый на фоне огня, направляется Толя.

Он садится за руль, оборачивается и жестоко смотрит на меня.

– Ты поедешь ко мне. И во всем, что с тобой произойдет, будешь виновата сама.

Глава 7

Джип разгоняется по ночной улице, словно всю ненависть ко мне Толя вымещает на педали газа. Сосредоточенно смотрит на дорогу, постукивая по рулю ногтем, и периодически бросает взгляды в зеркало заднего вида.

Я затихаю после истерики. Мы едем мимо Пушкинской, по оживленному проспекту, все дальше и дальше от дома, где спит моя дочь. Он везет меня в главную резиденцию.

Я ничком лежу на сиденье.

Дочку я больше не увижу, если не вымолю прощение, не упрошу, не докажу, что не виновата ни в чем… Все зависит от того, что Толя сделает дальше. Его людей нет с нами, значит, будет что-то унизительное.

Короткая остановка, пока открываются автоматические ворота. Внедорожник неторопливо катится дальше и замирает рядом с крыльцом. Толя выбирается наружу и обходит машину.

Я лежу, прислушиваясь к происходящему: под ногами у него скрипит гравий. Резко скрипит, словно Толя на взводе. Значит, будет больно… Открывается дверь, он хватает меня за волосы и вытаскивает из машины. Не говоря ни слова, тащит к дому. Не успевая за широкими шагами, я семеню, тихо поскуливая. Залитое слезами и расквашенной косметикой лицо запрокинуто в небо. По ступеням я поднимаюсь

на ощупь: Толя не ждет меня, волочет беспощадно, лодыжка подворачивается, ее простреливает боль. От руки Толи пахнет бензином.

Он распахивает дверь и зашвыривает меня в залитый светом холл. Я приземляюсь на четвереньки: грязными, окровавленными коленями пачкаю паркет, но встать даже не пытаюсь. По гудящей тишине понимаю, что в доме мы одни. Часы на стене показывают два ночи.

Толя, как бумагу, рвет на спине платье. Я утыкаюсь лбом в пол и рыдаю, понимая, что сейчас будет. Мышцы каменеют и начинают дрожать в ожидании боли. Впиваюсь обломками ногтей в паркет, когда Толя целенаправленно проходит мимо и срывает со стены нагайку. Первый же удар рассекает кожу и я кричу. Спина становится липкой, ее невыносимо жжет – это очень, очень больно. Толя бьет меня несколько раз и каждый удар я жду с ужасом и надеюсь, что он станет последним. Останавливается он, как всегда, на четвертом или на пятом. С ремня капает кровь, а я монотонно вою, пытаясь унять адскую боль в спине.

Он стоит надо мной, переводит дух.

– Я не виновата! – гнусаво ору я, подняв заплаканное лицо.

Толя расстегивает верхнюю пуговицу, ослабляя воротник на дряблой шее. Тяжело дышит – устал. Мое счастье, что он в возрасте. Я глухо рыдаю, а спина горит, словно с меня заживо содрали кожу. В первый раз он меня избил за флирт.

Я еще неопытной была, жили вместе четыре месяца и наши отношения я принимала за настоящие. В клубе ко мне подошел парень, сделал комплимент… а я имела глупость выслушать его шутку, посмеяться и улыбнуться в ответ. Толя не подал виду, что что-то не так. Не знаю, что он сделал с тем парнем, но меня избил, когда мы вернулись домой… Те рубцы видел Алекс.

– Я не хотела с ним ехать! – в слезах продолжаю я кричать. – Прицепился ко мне сам... угрожал... Толя, пожалуйста, я бы никогда тебя не обманула!

Он не отвечает, уходит в гостиную, а я ложусь лицом на сложенные руки и рыдаю на полу холла. Мне так больно... Из-за горячей крови воздух кажется холодным и неприятно касается спины. У меня кружится голова и хочется орать, ненавидеть весь мир… Зачем он ко мне полез?! Москвич сраный, решил, что с его папочкой все может себе позволить: и плевок в лицо сильному, и чужую женщину, все, что пожелает. Гад, сволочь, подонок! Он за свою глупость дорого заплатил... И, думаю, Толя тоже заплатит. Он человек холодный. Как варан. Из-за бывшей шлюшки не убил бы сынка мощного криминального клана, скорее, меня бы… Что теперь будет?

Толя в гостиной говорит по телефону. Он мне поверил – я его убедила. Считай он меня виноватой, не привез бы домой: я бы оказалась на соседнем сиденье с Беспредельщиком. Раз я здесь, накажет, но не убьет…

Разговор окончен, Толя идет сюда.

– Вставай! – схватив меня за запястье, он ведет меня на второй этаж.

Он заломил мне руку за спину и ведет наверх, другой держит за шею. Я жмурюсь, с трудом ковыляя по ступеням. Каждый шаг отдается в рассеченную спину, в ранах печет, словно в них огонь.

Толя ведет меня в нашу спальню.

Меня не было здесь пять лет, но я отлично помню планировку. В нашей спальне давно поселилась другая, но сейчас там пусто. Широкая кровать застелена шелковым комплектом жемчужного цвета. Пахнет свежестью и цветами. Я помню, как он заставил меня красить рот. Сердце быстро бьется, почти выскакивает из груди. Только бы не тронул… Но зачем-то ему нужны были мои алые губы.

Иногда бывало, со злости он заставлял меня… Не раз, и не два конфликты заканчивались оральным сексом. Я должна признать, что он прав, а я – нет. Толя считает, для этого есть один способ – взять у него в рот. И я делала это. После он становился тихим и мирным, оставлял меня в покое. И, думаю, этот вечер исключением не станет…

– Тебе напомнить, на какой помойке я тебя подобрал? А ты руку кормящую кусаешь, дрянь? Забыла, что я тебе дал!

Вместо того, чтобы расстегнуть штаны, Толя заталкивает меня в спальню, а затем еще раз добавляет по лицу. Я и так еле держусь, после того, как получила плетей… Но это

шанс. Специально падаю боком, спиной к нему – чтобы видел кровь. Это мерзко, не эротично: так он быстрее отстанет, скорее уйдет. Потому что я не смогу ему… Сегодня не смогу.

– Прости, – молю я. – Толя, я люблю тебя. Я все поняла…

Я осекаюсь: под кроватью валяется голубой заяц.

Тот самый… Которого я Полинке обещала. Значит, она была здесь… Кто-то купил ей этого зайца, привез дочку сюда, а затем увез, спрятал. Это был не Толя – он все время со мной. Наверное, его доверенное лицо спрятал мою дочь. Только бы няня была с нею и Полинка не сильно испугалась…

Я плачу и в зеркало вижу, как бывший с омерзением смотрит на мою спину. Расчет верный – Толя останавливается.

– Дочь больше не увидишь, – отрезает он. – Никогда.

Резко хлопает дверь, раздаются шаги на лестнице и все стихает. Я хватаю игрушку и сжимаю изо всех сил. Пальцы утопают в искусственном мехе. Утыкаюсь в мех носом и реву. На сегодня он ушел, но завтра или послезавтра Толя вернется. Нет сомнений – будет наказывать меня дальше. Зачем-то он привез меня в свой дом, хотя мог силой увезти дочку, а меня бросить в квартире на Пушкинской.

Двигаться больно, но я сажусь и смотрю в темное окно. Перед воротами красные огоньки – Толя уезжает. Я одна в большом доме. Запертая, избитая, но живая.

Я живая.

За что… За что ты так со мной… И я не Толю спрашиваю

– Алекса. Машину, охваченную огнем, я никогда не забуду. Стоили того ласки на капоте и последний поцелуй? Я того стоила, Алекс?..

Глава 8

На следующий день вместо Толи приезжает Костик.

Я лежу в постели – мне совсем плохо. Порванное платье и босоножки валяются возле кровати. Вчера я с трудом разделась и легла, пачкая постельное белье кровью.

За ночь раны воспалились. У меня жар, лоб в испарине.

Голова тяжелая от температуры и бессонницы. Спать я не смогла – даже боком не лечь, слишком больно из-за спины. Поврежденная лодыжка распухла и ноет. Кожа вокруг рассечений горячая. Так уже было… Всего Толя бил меня нагайкой несколько раз – не часто, это надолго выводило меня из строя. А когда забеременела, вообще перестал трогать. Я даже поверила: что-то меняется… Какая глупость. Он раньше давал мне антибиотики, тогда заживало быстрей. Я мечтаю, чтобы кто-то промыл мои раны, дал лекарства и я смогла поспать… Но когда дверь спальни открывается, я пугаюсь.

Костик, подергивая кадыком, останавливается на пороге и оценивающе смотрит на меня.

– Сильно досталось? – я понимаю, что Толя прислал его проверить меня, а также то, что я никакой ценности для бывшего не представляю, иначе вместо Костика приехал бы кто-то рангом повыше. – Я помогу тебе.

Мне не нравится его масляный взгляд. Мы одни в этом чертовом доме. Я пытаюсь привстать и прикрываюсь про-

стыней. Шелк в кровавых пятнах загрубел, стал шершавым и неприятным на ощупь.

– Не трогайте меня, – лепечу я, неосознанно прикрываясь рукой. – Выйдите…

Он видит мой страх и неожиданно злится – принцесса не желает быть спасенной, чтобы не пришлось благодарить…

– Ну и подыхай одна, – он обидчиво хлопает дверью.

Жду, пока уйдет, накидываю черный халат, морщась, когда ткань касается спины, и спускаюсь.

Костика нет.

На кухонном столе пакет с покупками. Беру бутылку воды и жадно пью. Нахожу обезболивающее, антибиотики, глотаю и возвращаюсь в спальню. Мне нужно поспать. Прежде чем лечь, запираю дверь – на случай, если Костик вернется. Просыпаюсь только к вечеру, но мне уже легче – жар спал, хотя меня одолевает слабость. Какое-то время лежу в оцепенении. Мне снилась полыхающая машина – так явно, что я ощущала запах паленого. Чувствуя себя разбитой, встаю, выглядываю в окно и вздрагиваю, увидев мужские силуэты во дворе. Толя не приехал, зато приставил охрану…

В доме меня держат несколько месяцев.

Спина зажила, оставив новые шрамы. Поначалу я жду Толю и пугаюсь каждого шороха. Идут недели, но он забыл обо мне. Словно дом, прошлая жизнь и я – балласт, который он сбросил, чтобы идти дальше. Двор охраняют его люди, но он не появляется и не звонит.

Я прошла все этапы отчаяния и безнадеги. Прошла все: попытки связаться с Толей, попытки уйти. До этого мне разрешали выходить во двор, но после дверь начали запирать. Я заложница дома. Первые дни, не сомневаясь, что бывший объявится, я даже радуюсь передышке. Прихожу в себя, лечу раны и пытаюсь все отплакать. Я уверена – Толя вернется. Хотя бы затем, чтобы я смогла вымолить прощение. Скорее всего, когда приду в форму. Но спина зажила, а знакомый внедорожник так и не приехал…

Тоска по дочери все сильнее сводит с ума. Раньше мы не расставались ни на минуту. С первой секунды, как я взяла ее на руки, как на нее взглянула, я ощущала необычно сильную связь. Теперь незаживающая рана, нанесенная разлукой, кровоточит внутри. Все больше я укрепляюсь в мысли, что это и есть наказание. При мысли, что Полинка теперь с Толей и о моей дочери заботится одна из его длинноногих кукол, плачу от боли. Ругаю Алекса, проклинаю день, когда он решил подразнить Толю, увидев меня в ресторане… Я ненавижу его: за заносчивость, эгоизм, за то, что наплевал на меня и мою дочь.

Через месяц я понимаю, что Толя не придет.

Придумываю себе ужасы, беспокоясь за дочку, и причины, по которым бывший мог похоронить меня здесь. Зачем-то Толя держит меня в своем доме.

У всего, что он делает, есть причина.

Я понимаю, что убийство Беспредельщика привело к кон-

фликту с его кланом, но не знаю, насколько все серьезно. Надеюсь, что дочь в безопасности. Со мной не говорят: Толя запретил охране давать мне информацию. Я помню о масляных взглядах Костика, мне кажется, он питал ко мне слабость. Может быть, он по секрету сказал бы что-то о Полинке… Если сам знает. Но как назло, он больше не появляется.

Кажется, я больше не увижу дочь: никогда, как Толя и обещал. Сердце рвется к ней, я ищу пути для побега, и однажды дожидаюсь шанса. Я стою у окна, выходящего на задний двор, когда замечаю, что кто-то не запер калитку. Какое-то время пялюсь на нее, не веря в удачу. Может, кто-то из охраны посочувствовал мне, оставил лазейку? На заднем дворе никого, а за калиткой – поле и лесопарк…

Воровато оглядываюсь, затем распахиваю окно и вспрыгиваю на подоконник. Вместе с ветром в дом влетают пожелтевшие листья. Пахнет осенью. Прямо в халате я выбираюсь из окна, выскальзываю за забор и бегу, почувствовав свободу. Невыносимо желанную, похожую на воздух… Я впервые ощущаю ее после трехмесячного затворничества.

Очень быстро меня догоняют и валят в жухлую траву. Я ору, сопротивляюсь, но меня взваливают на плечо и несут обратно. Бросают на диван в гостиной и я вижу, что это Костик. Во время борьбы халат развязался, и я лихорадочно завязываю пояс под сальным взглядом.

Он выходит, кому-то звонит… По ответам я понимаю – Толе, и перестаю дышать, вслушиваясь в каждое слово. Жду

хоть чего-то, что намекнет, где Полинка.

Костик возвращается, сняв со стены нагайку.

– Хозяин велел наказать тебя за побег, Ника, – Костик играет ремнем, хлопая по ладони. – Но мы можем договориться.

– Договориться? – переспрашиваю я.

Я надеюсь, что ослышалась. Но Костик ухмыляется, поглаживая ремень – договориться, значит, с ним переспать, а взамен он не использует нагайку. Интересно, как он объяснит это, если Толя все-таки нагрянет и не увидит на моей спине следов? Костик не боится – он уверен, что соглашусь. Уверен, что Толя об этом не узнает.

– Ты понимаешь, о чем я, Ника.

– Ты все подстроил, – догадываюсь я, вспомнив про калитку, значит, наблюдал за мной, ждал, что убегу и подставил не только меня, но и охранника, который сегодня дежурил. – Ах ты подонок…

Костик улыбается – ни да, ни нет. Ему нравится представлять себя на месте Толи: быть его правой рукой, а в его отсутствие трогать его плеть и спать с матерью его ребенка. Он участвовал в расправе над Беспредельщиком, возможно, наконец сумел выслужиться и Толя повысил его. Я понятия не имею, что происходит за пределами этого дома.

– Ну, не хочешь, поворачивайся и снимай халат, – пожимает он плечами. – Это приказ, я должен его выполнить, Ника.

– Пошел ты на хрен! – огрызаюсь я.

От первого удара я закрываюсь рукой и пытаюсь перехватить плеть, но Костик сильнее. Он срывает с меня халат и толкает на диван, я падаю коленями на паркет и пригибаюсь, закрывая голову. Удары сыплются на меня без остановки. Я была несговорчивой, поэтому Костик особенно жесток. Но у него неопытная рука: удары скользящие, это Толя умел снять шкуру за раз. Несколько все же достигают цели и я хрипло кричу. Костик уходит быстро. Думаю, подстраивая мне побег, он не на это рассчитывал. Не на то, что меня придется бить, а не трахать на этом диване… Я рыдаю, натягиваю халат на плечи, стараясь не обращать внимания на жжение и на заплетающихся ногах бреду к себе.

В ванной я промокаю ссадины, когда слышу стук в дверь.

– Кто это? – хрипло спрашиваю я.

Думала, Костик, но это охранник с ворот.

– Хозяин позвонил, – говорит он. – Приведите себя в порядок, возможно, он приедет.

Я шмыгаю носом и смотрю в зеркало. Месяцы заточения высосали из меня силы, на лице появился отпечаток горя, словно у меня кто-то умер. Я смотрю себе в глаза и они мне не нравятся. Он приедет. Зачем? Наказать за побег или он… простит меня и инцидент с Костиком был проверкой – дам или нет?

Как бы там ни было – это шанс.

Я останавливаю кровь из ссадин. Надену платье с закры-

той спиной – ничего не заметит. Я должна убедить его, что имею право видеться с дочерью… Должна ему доказать – любым способом. Я сделаю все.

В спальне выбираю чужое платье, но размер мне подходит. Черное, облегающее. Надеваю свои босоножки – Толе они понравились. Быстро крашусь – погуще, поярче. В чужой косметичке те же цвета, что были в моей. Толя себе не изменяет.

Ждать невыносимо. Я шатаюсь по спальне и пью – бар полон бутылок. Толя любил жить на широкую ногу, и теперь они все мои. Я хочу набраться, прежде чем он приедет, чтобы не было так противно. Бордовое вино плещется на дне бокала. Я не сразу осознаю, что плачу и думаю о нем.

Его шепот вспоминаю: хочешь, я тебя в Москву заберу? Я его ненавижу, всей душой ненавижу – за обещания. За шепот, за то, что понравился мне и я захотела ему поверить. Из-за него меня разлучили с дочкой. Я предупреждала, я просила его остановиться…

Давясь вином, допиваю бокал и наливаю снова.

Мне плохо.

Я не хочу спать с Толей, он мне противен. Не хочу видеть его мерзкую рожу.

Алкоголь снимает самоконтроль. Я впервые пью за три месяца. Впервые задаю себе вопрос, который иногда снился мне: если бы я не сказала, что Алекс меня изнасиловал – финал был бы другим? Толя бы сжег его в машине? Или дело

было не в этом?..

Я резко оборачиваюсь, заслышав шорох, но это занавеска всколыхнулась на сквозняке. Случайно ловлю свое отражение в зеркале. И зависаю, так поражает собственное лицо. Тушь потекла и под нижними веками кляксы, слезы начертили дорожки на щеках, обхватив их, как спруты. Вся в черном. Черная невеста.

Ах, Алекс… Ты такой дряни, как я, не заслуживал.

Покачиваясь на каблуках, я иду к отражению. Выставляю подбородок вперед, нижняя губа пьяно дрожит. Мне нечего себе сказать. Я знаю, почему так сделала и все равно… все равно… все равно!

– Ненавижу тебя! – ору я. – Зачем ты ко мне полез!

Ну ничего, я все исправлю: все ошибки мужской заносчивости. Сажусь на край кровати, обняв игрушечного зайца, и жду Толю. Долго. Может быть, час-два, прежде чем слышу тихие шаги. Я даже думаю, что мне показалось.

– Толя? – тиская зайца, я выглядываю в коридор. Вдалеке горит свет, тихо, я замечаю приоткрытую дверь в кабинет.

Неужели приехал? Судорожно сглатываю, крепко обнимаю игрушку, и иду туда. Пусть мне повезет… Кто знает, вдруг удастся договориться и Полина вернется ко мне?

Глава 9

В кабинете кто-то есть. Но лживое «я скучала» застревает в горле, когда я слышу жестокий шепот:

– Где он? Говори, сука, пока тебе язык не вырезал… Где! Эта! Тварь!

Я мгновенно трезвею. Ноющая, воспаленная кожа на спине покрывается холодными мурашками. Я уже дотронулась до двери и она открывается внутрь, впуская из коридора свет… В кабинете становится тихо.

Мужчина – и это не Толя – оборачивается и видит меня, остолбеневшую на пороге. Прижав к себе зайца, я распахнутыми от шока глазами смотрю на охранника, лежащего на столе. Он раскинул руки, голова запрокинута, в лунном свете кровь выглядит чернильными пятнами. Она везде: на полу, столе, стене… Он сильно избит, изувечен, если бы ему не задавали вопрос, я бы решила, что уже мертв… Второй в углу без сознания… или он убит?

Лицо скрывает тень, но я узнаю мощную фигуру – столько раз она являлась во снах.

– Алекс, – выдыхаю я, не веря.

Я не могу дышать. Все, что я чувствую – мягкий искусственный мех стиснутой игрушки. Когда я открыла дверь, он в меня прицелился: пистолет в вытянутой руке смотрит мне между глаз.

– Алекс…

Не знаю, зачем повторяю – я даже не уверена, что это он… Но как будто зову его на помощь. Он наклоняет голову и на лицо падает лунный свет. Лицо в багровых ожоговых рубцах, глаза прищурены, словно он не ожидал меня увидеть... Это он. Беспредельщик.

Во дворе что-то происходит: к воротам подлетают несколько авто. Он отворачивается и жестоко, несколько раз подряд бьет кулаком в лицо жертве. Кровь летит брызгами, я слышу жуткий хруст… Алекс его добивает. Несколько выстрелов в угол – он расправляется со вторым. Осталась только я…

Алекс надвигается, в последний момент сует за пояс оружие, и хватает меня свободной рукой. Он сильный и просто меня сносит: заломив мне руку, тащит по коридорам через дом – к заднему двору, через который я пыталась убежать днем. Он торопится и дышит сквозь зубы. Мы вырываемся на улицу и меня опьяняют свежесть ночного воздуха и свобода.

Калитку он просто выбивает. В поле у меня заплетаются ноги из-за высоких каблуков, и Беспредельщик берет меня на руки. За лесопарком стоит припаркованная на обочине приземистая тачка с агрессивными обводами. Он зашвыривает меня в салон, но прежде чем закрыть дверь, набрасывает на запястье кольцо наручников и пристегивает к ручке над дверью.

Резко оборачиваюсь, когда он садится за руль. Алекс выжимает газ и «мустанг» выпрыгивает на асфальт, динамично набирая скорость. Ускорение такое мощное, что меня глубоко вдавливает в кресло, а из сведенных судорогой пальцев падает игрушечный заяц моей дочки.

Машина рвется из города прочь. Он газует, заставляя двигатель издавать высокий и объемный звук, который не услышишь в обычной тачке. Мы покидаем город. И только-только доходит, что меня похитили. Я словно все еще в доме, и не успеваю осознать происходящее.

Я смотрю на Алекса.

Он следит за дорогой. Рука уверенно лежит на руле, почти не дрожит: кисть в крови, костяшки разбиты. Из-под закатанного рукава рубашки выглядывает красный плетеный браслет. Неуместно-странный на руке такого мужчины. Под ним – ожоги, словно когда-то он заслонялся от огня… Я вспоминаю кошмары, в которых он горит заживо. Ожоги на лице, на шее… Из-за них он кажется незнакомым. Выражение лица другое – зачерствевшее, горькое, словно он подавился желчью. На скуле засыхает россыпь микрокапель крови после убийства охранника… Тот был среди тех, кто убивал Алекса. И вспоминаю шепот, перешедший в крик: «Где эта тварь?!»

Обо мне… или о Толе? Снова и снова я задаю себе этот вопрос и боюсь ответов.

Мы летим по дороге на Москву, но он резко сбрасывает

скорость и сворачивает на проселочную дорогу. Я подозреваю, куда и зачем он может меня везти, и ною от страха. Мы останавливаемся у заброшенных строений. Алекс грубо выводит меня из машины и отводит к гаражу. Отпирает дверь и на меня дышит могильный холод – гараж бетонный, в нем сыро и холодно. Внутри стеллажи, заваленные хламом, у стены свалены доски. Без разговоров он пристегивает меня к стойке стеллажа, и уходит. Теперь у меня пристегнуты обе руки. В гараже темно – Алекс закрыл дверь. Снаружи не доносится ни звука.

– Его не было, – раздается резкий голос, он говорит по телефону совсем рядом. – Забрал его девчонку. Нику. Хочешь через нее наказать?.. Когда он сказал ее грохнуть? Нет, мне этого мало, я пока их всех не вырежу, не успокоюсь. Твою мать, что они со мной сделали, ты помнишь!

Беспредельщик орет от злости. По щекам сами собой текут слезы, когда понимаю, что он приходил не за мной. За моим бывшим. Меня он забрал, потому что не нашел Толю. Мне просто не повезло. Я вспоминаю злое, изуродованное лицо и то, как резко он со мной обращался. Дергаю руки, пытаясь освободиться от наручников, но только обдираю кожу, движения отдаются в измученную спину. Ясно, почему Толя бросил меня одну в доме… Он знал, что Беспредельщик выжил и расквитается… Я жертва, которую решили скормить хищнику.

Понимая, что мне не спастись, жду и плачу. Дверь от-

крывается, я поднимаю заплаканное лицо. Сердце сводит от страха. Я так хочу, чтобы Алекс меня пощадил...

– Привет, Ника, – сексуально говорит он.

За горло он поднимает меня на ноги. Я часто дышу, ощущая запах парфюма – необычного, терпкого, с ноткой древесины и ветивера. Пальцы сдавливают шею и я разеваю рот, пытаясь вдохнуть.

– Где этот ублюдок?

– Не знаю… – еле выдавливаю я.

– Ага.

Браслет Алекса растрепался и нити щекочут шею. Из-за пояса он выдергивает пистолет, упирает мне в лоб. Дулом ведет вниз – по носу, влажным губам, словно хочет, чтобы я его пушку облизала, раз не захотела пробовать кое-что другое. От оружия несет металлом, гарью, и оружейной смазкой.

Я жмурюсь и реву. Мне страшно. Его глаза так близко, они прозрачные и похожи на лед. Это другой человек на меня смотрит, не тот, который возил меня на дрифт-пати и целовал в машине. Алекс сильно зол.

– Где девочка?

– Что? Моя дочка? Почему ты спрашиваешь про дочку? Она ни при чем… Беспредельщик, прошу… Тебе нужен мой муж, не она!

Он сильнее сжимает пальцы и я хриплю.

– Как ты меня назвала? – дулом давит в скулу.

– Прости, – шепчу я. – Прости меня… Прости. Только не

убивай. Я тебя умоляю, не убивай нас!

Пальцами он проводит по моим губам. Рассматривает сочно накрашенный рот.

– Отец сказал, если я не достану твоего мужа, привезти семью. Тебя и дочь.

Как хорошо, что ее со мной нет… Я понимаю, что им нужно расквитаться с Толей и в этой войне мы с Полинкой жертвы. Нас убьют – так принято по их законам. Меня трясет, но я набираюсь храбрости.

– Возьми меня, если хочешь… Возьми меня, Беспредельщик. Только ее не трогайте. Ей всего пять.

Пока я говорю, он смотрит на мои ноги. Алексу нравится, как плотно ремешки босоножек обхватили лодыжки.

– Я не знаю, где она. Нас разлучили. Прошу…

– Скажи спасибо своему ублюдку, из-за него тебя приговорили. Я должен отвезти тебя в Москву. Ты можешь поехать в мешке для трупов, а можешь стать моей женой, – неожиданно предлагает он. – Тогда я буду на твоей стороне, когда ты окажешься там.

Алекс прижимается ко мне всем телом, а я отшатываюсь, пытаясь в глазах найти ответы.

– Не понимаешь, что нужно делать? – в голосе появляется сексуальная хрипотца. – Иди ко мне.

Он убирает пистолет за пояс и неожиданно целует меня взасос, в ладони взяв лицо, чтобы не отстранилась. Мы целуемся под позвякивание моих наручников об стойку. У Алек-

са очень сильный язык… Он хочет меня прямо здесь и сейчас: вот зачем он меня сюда привез... Иначе еще в доме бы прикончил.

– Беспредельщик… – обреченно шепчу я, меня пробирает дрожь. – Зачем? Не понимаю. Для чего я тебе?

– Я думал, профессиональная содержанка соображает быстрее, – он расстегивает ремень. – Это не твое дело, Ника. Лучше сделай мне приятное. Ради тебя мне придется пойти против серьезных людей. Докажи, что ты этого стоишь. Встань на колени…

У него холодный, затуманенный взгляд. Алекс часто дышит и сглатывает, словно я уже воплощаю его мечты в реальность.

– Я тебя ни разу не трахнул, а ты что про меня сказала?.. – он агрессивно нависает надо мной и целует непослушные холодные губы.

Алекс вновь прижимает меня к бетонной стене. В наручниках я на привязи и все больше понимаю, что нужно было тогда дать – в машине на обочине. Без уговоров переспать с ним, чтобы отвязался. Все равно этим закончилось… Он тыкается губами мне в шею, сжимает ягодицы, мнет тело. Я смиренно жду, пока он наиграется. Все, что я хочу – чтобы не трогал спину. Я ждала Толю, и специально надела закрытое платье. Думала, бывшего ублажать придется, а вышло вот так… Я представляю, что сейчас буду делать с Беспредельщиком, и сердце выпрыгивает из груди. Он хочет на

коленях, но так у меня не получится…

– Сними наручники, – шепотом прошу я.

Глава 10

Алекс вновь целует в губы. Как и Толе, они ему очень нравятся: такие пухлые и пленительные, что, глядя на них, можно думать только об одном. Об оральном сексе. Шелковистый язык входит в мой рот, и я отвечаю. Словно поймав одну мелодию, мы подстраиваемся друг под друга, находим общий ритм… Я прислушиваюсь к себе: дыхание сбито, сердце колотится… но это не возбуждение. По спине скользят льдинки страха. На ощупь Алекс отстегивает от стойки наручники, но оставляет их на руке и как кандалы, они болтаются на моем левом запястье.

Пытаюсь опуститься на колени, но он не дает.

Держит за шею, продлевая поцелуй. Мои ладони скользят по груди вверх, я глажу мощную шею, ласкаю, успокаивая, словно бешеного зверя перед соитием. Постепенно с лица Беспредельщика уходят агрессия, жестокость, и остается чистый голод. Развязные поцелуи все настойчивей. Пальцы кольцом лежат на шее, пока он терзает то так, то этак мои губы, словно хочет распробовать их сочность. В машине, когда мы прощались под моими окнами, я разорвала поцелуй, испугавшись его энергии. Теперь я не скажу «нет», и он этим наслаждается.

Наигравшись, Алекс убирает руку с горла.

– Встань на колени, – шепчет он.

Ладонь ложится на затылок. Я смотрю вниз: под серыми джинсами видно, какой мощный у него стояк. На горле, где только что были стальные пальцы, отчаянно колотится пульс. Я робко расстегиваю его рубашку, задевая грудь наручниками. Губы горят после него… но мне этих поцелуев не хватило. Алекс мне нравился, но после того, как он убил человека, я его не хочу – я его боюсь.

– Давай, Ника, – шепчет он и давит на затылок.

Горло сдавливает от страха, но я опускаюсь на холодный пол. Оставляю неровную дорожку из поцелуев на животе, языком прикасаюсь к коже над расстегнутой пряжкой ремня, и смотрю вверх.

– Постарайся, как следует, – Беспредельщик за мной наблюдает.

Из-за пояса сзади он вытаскивает пистолет, чтобы не мешал, и держит в расслабленной руке.

Я киваю и опускаю глаза.

Алекс расстегнул ремень, но не ширинку – это моя проблема. Джинсы натянуты: под тканью осталось мало места. Я глажу сексуальную дорожку волос внизу живота, захватываю верхнюю пуговицу и пытаюсь расстегнуть заедающий замок. Случайно касаюсь распертого члена – на ощупь, как камень. От волнения у меня дрожат руки. Алекс так хочет меня, что даже на малейшее прикосновение реагирует стоном, и сам, рывком расстегивает ширинку.

– Давай, куколка… – стонет он.

Алекс – мой второй мужчина. Впервые в жизни я делаю это с кем-то, кроме бывшего. Крепко сжимаю член пальцами и нахожу его губами. Чтобы побороть смущение, бесстыже лижу и сразу же глубоко беру в рот. В гараже темно, на бетонном полу стоять холодно и больно. Меня трясет, но я делаю то, что он хотел: стараюсь изо всех сил. Алекс опирается на стену спиной и глубоко дышит, запрокинув голову. Разбитой кистью накрывает мой затылок. Ему так приятно, что он ловит меня за волосы растопыренными пальцами и подается бедрами вперед, сильнее раздвигая мне губы. Алекс не дает отодвинуться. Ему нужно глубже, нужно еще... Ритмичные движения во рту продолжаются, пока я не начинаю стонать. Я кладу руку ему на живот, ощущаю, как сокращаются мышцы. Наручники раскачиваются в такт и бьют по расстегнутой пряжке. Я понимаю, что Алекс был в нескольких секундах от оргазма, только когда он кончает… Ну что ж… Хотя бы быстро.

Ноги меня не держат, и я сажусь на пол, дрожащей рукой вытирая рот. Мне безумно стыдно смотреть вверх. Беспредельщик проходит мимо, к машине, и я радуюсь, что он дает мне время прийти в себя. Привыкнуть к моему новому мужчине... На языке солоно от слез и его семени, а по заревanному лицу тихо текут слезы.

Я бы все равно ему дала. Я понимаю, к чему все идет: от такой сделки не отказываются. От своего клана меня и дочь сможет защитить только Беспредельщик. Но мне безум-

но тяжело перестраиваться. Привыкать к другому мужчине – незнакомому и жуткому. В «мустанге» валяется игрушка Полинки, и я думаю о ней, чтобы успокоиться, но почему-то реву еще сильнее. Мне жалко себя и дочь. Только этих говнюков не жаль. Перестреляли бы друг друга, а не нас трогали…

– Ника, – Беспредельщик возвращается за мной, а я сижу и отворачиваюсь. – Ты плачешь?

У него изменился голос: стал спокойным, приобрел глубину. Агрессия ушла, как только он удовлетворил инстинкт. Подцепив за наручник, он поднимает меня на ноги и прижимает к себе.

– Все будет хорошо, – шепчет он, целуя в шею. – Тебя не тронут, когда я на тебе женюсь.

Я смотрю ему в грудь, пока мощные руки мнут талию. Неужели этот опасный мужчина правда возьмет меня в жены? Вспоминаю, как он угрожал мне оружием и стволом сминал губы…

– Я тебя не знаю, – шепчу я, хотя правильнее сказать «я тебя боюсь».

– Узнаешь, – обещает он. – Пора ехать.

Он усаживает меня в пассажирское кресло и вновь пристегивает к ручке. К алтарю я пойду в наручниках. Алекс выжимает тормоз и смотрит в зеркало, собираясь сдавать назад. Темнота позади залита красным светом стоп-сигналов. Звонит телефон, он злится, но берет трубку:

– Что тебе опять? Я уже еду, завтра вечером или ночью буду дома, скажи отцу… Не один, – он улыбается. – Привезу невесту.

С той стороны что-то вопят, Алекс смеется, швыряет трубку на приборную панель и выруливает на дорогу. Я подбираю с пола игрушечного зайца и кладу себе на колени. Мы выбираемся обратно на трассу, «мустанг» резво разгоняется. На спидометре сто тридцать-сто сорок, но в салоне скорость не ощущается. Машина уверенно держит дорогу. Лицо Беспредельщика становится флегматичным. Похоже, он ни о чем не думает.

Через несколько часов мы останавливаемся у придорожного кафе. В стороне, на обочине, чтобы в темноте не было видно, что пассажирка прикована.

– Что тебе взять?

Я качаю головой. У меня подавленное состояние и болит спина. Свободной рукой перебираю мех на ушах зайца и смотрю на пустынную ночную дорогу. Над горизонтом темное небо переливается беззвучными молниями, обещая грозу.

Беспредельщик возвращается с двумя стаканами кофе. Перегибается через меня, отстегивает наручники и полностью снимает с рук. Я растираю запястья.

– Латте. Угадал?

Я пожимаю плечами, но с благодарностью беру стакан. После холодного гаража я еще не отогрелась. Сладкий ко-

фе обжигает саднящие губы. Свой стакан он приканчивает в несколько глотков и заводит машину. Торопится.

– Ехать долго, – с заднего сиденья он передает свой пиджак. – Поспи.

Я допиваю латте, опускаю спинку кресла и сворачиваюсь под огромным пиджаком. Монотонно гудит дорога. Разморенная теплом и движением, я засыпаю. Просыпаюсь от резкого торможения и выглядываю из-под пиджака. Светает – часов шесть утра. Мы рядом с придорожным отелем.

– Ника, – Беспредельщик кладет ладонь на плечо и наклоняется. – Ты спишь?

У него запали и покраснели от усталости глаза. Мы гнали всю ночь.

– Передохнем пару часов. Не наделай глупостей, – говорит он. – Если убежишь, никто вам не поможет, поняла?

– Не убегу.

– Умница.

Я критически осматриваю себя в зеркало, использую влажную салфетку. На запястьях красные полосы от наручников, но их не спрятать. Надеясь на лучшее, иду с ним в гостиницу. Он уже оформляет номер, а я понимаю, что Толя знает, что меня забрал Беспредельщик и мог подать в розыск… Но сонная девушка не обращает на меня внимания и дает ключи к номеру. Я вхожу первой, Беспредельщик закрывает за мной дверь.

– Иди в душ… Я сейчас.

Номер одноместный, но с кроватью для новобрачных. Я без интереса осматриваю красное покрывало, дешевые красные шторы и иду в душ, пока Беспредельщик заказывает завтрак в номер. Душевая совсем маленькая. Сам душ отделен прозрачной стенкой, я сажусь у раковины и смотрю на себя в зеркало. Над ним светильник, оно залито ярким светом. Он ужасно выставлен: подчеркивает усталые морщинки у глаз, измученный изгиб губ и потухший взгляд.

– Соберись, – шепчу я себе. – Возьми себя в руки.

Все хорошо, от этого не умирают. За тысячи лет и вооруженных конфликтов не я первая и не я последняя иду замуж по принуждению, продавая тело в обмен на жизнь. Лгу и не верю себе. Алекс скоро придет, а я не хочу раздеваться. Не хочу идти под душ и спать с ним в той постели тоже не хочу. Я устала, у меня болит спина, я умираю в тоске по дочери. При мысли, что снова придется через себя переступать, тошно и больно. Алекс может оказаться лучше бывшего. Ведь может же, правда?

Я поднимаюсь на дрожащие от усталости ноги, включаю холодную воду и сую под струю запястья. Шиплю сквозь зубы, когда вода бьет по ссадинам, зато боль отключается сразу.

– Почему не раздеваешься? – в голос вернулись сексуальные интонации.

Я оборачиваюсь через плечо. Дверь открыта, опираясь на косяк, Алекс холодно смотрит на меня. Опускаю взгляд об-

ратно на руки. Я подставила запястья под воду, словно вновь предлагала сковать их: держала параллельно друг другу. Беспредельщик подходит со спины и убирает волосы вперед. Целует шею, обжигая дыханием. Руки ложатся на талию, скользят по животу и ребрам вверх, а затем накрывают грудь.

– Какая ты сладкая, – он шепчет, как пьяный. Расстегивает молнию на спине, спускает с плеч бретельки, жадно лаская шею, целует выпуклый позвонок и вдруг застывает. – Ника…

Я понимаю, почему он остановился. Не знаю, как буду объяснять. Не хочу. Выключаю воду и смотрю на запястья, покрытые капельками.

– Ника… Что за хрень? – выдыхает он, пальцы скользят между лопатками, прямо по шрамам, обводят ссадины. Это щекотно и приятно, несмотря на раздраженную кожу. – Ты ведь не в детстве это получила. Ты солгала.

Он разворачивает меня к себе лицом, пытается посмотреть в глаза.

– Ты вообще всегда врешь, да? – он берет мое лицо в ладони и заставляет смотреть на себя.

Впервые после допроса в гараже мы смотрим друг на друга так близко и прямо. От голода и страха кружится голова. В темноте следы от ожогов не бросались в глаза, но теперь багровую сетку на лице и шее я могу рассмотреть в деталях. Меня начинает разбирать истерика: он о том случае, когда я оговорила его? Он винит меня за то, во что превратилось

его лицо?

– Мне пришлось… Он бы не поверил, что у нас ничего не было. Его люди видели, как мы целовались в машине. Меня бы убили вместе с тобой! – голос срывается. – Я предупреждала, что он накажет… Из-за тебя у меня забрали дочь!

Я рыдаю и шепчу почти вслух: «ненавижу!»

Алекс гладит мне губы.

– Уймись. Я не жду от женщин храбрости, все вы трусихи... Я на тебя зла не держу, Ника. Почему сразу не сказала, что Захаров бьет тебя плетью?

– Что это меняет… – я задерживаю дыхание, пытаясь справиться с истерикой.

– Успокаивайся, – просит он и начинает расстегивать рубашку. Над грудью тоже ожоги, словно на него капал горящий бензин. – Помни о своей дочери. Ты собиралась до конца жизни так жить? А я привык получать, а не спрашивать. Я для этого живу. Захотел и тебя забрал. Сегодня вечером мы будем в Москве. Я планировал пожениться завтра, но ввиду того, что ты избита... Отложим свадьбу на несколько дней.

К чему такая спешка, хочу спросить я, но Алекс не дает мне опомниться.

– Идем в душ.

Глава 11

Он убирает на полочку под зеркалом пистолет. Развязывает свой браслет и кладет на оружие сверху. Браслет самодельный – аккуратно сплетен из красных и белых нитей, а затем несколько раз переделан. Один конец обуглился и расплелся.

Алекс разворачивает меня спиной и до конца расстегивает молнию. Платье падает к ногам, я дрожу и пытаюсь прикрыться руками. Вчера я готовилась к ночи: на мне сексуальный комплект белья, чулки с кружевными подвязками. Алекс стоит рядом и смотрит на меня в зеркало, перебирая брошенные на плечо черные волосы.

Я ему нравлюсь.

Из-за ожогов вместе мы смотримся, как красавица и чудовище.

– Алекс… – прошу я. – Можно не сегодня?

– Куколка, – говорит он, окунает полотенце в холодную воду и прижимает к спине. Я выдыхаю, зажмурившись – это холодно, но приятно одновременно. – Зашивать не надо. Заживет до свадьбы. Ладно, жди здесь, если боишься.

Он бросает полотенце в раковину, раздевается и заходит за прозрачную перегородку. Шипит душ. Я наблюдаю, как Алекс, запрокинув голову, стоит под душем. Натягиваю на себя платье, набрасываю бретельки на плечи, но молнию

оставляю расстегнутой и присаживаюсь рядом с зеркалом. Возвращаются назойливые мысли о побеге, но, как привязанная, я остаюсь здесь. Я слишком боюсь его – и его клан, чтобы уйти.

Алекс выходит, обернув бедра полотенцем. Пальцами убирает наверх влажные волосы, проводит по щекам – недостаточно шершавым, чтобы бриться. Надевает браслет.

– Можешь принять душ, – говорит он, прежде чем идти в комнату.

На кровати его ждет разложенная смена одежды. Он натягивает узкую белую футболку. У меня запасной одежды нет, а платье грязное. Спать голой рядом с Алексом я не могу.

– Возьми рубашку, если хочешь, – предлагает он.

Я запираюсь в ванной: сдираю с себя платье, чулки и подвязки. Страшно, что Алекс может войти, но я с наслаждением становлюсь под теплый душ, мою волосы. Спину печет, но даже это не портит удовольствия. Под теплой водой, наконец, я расслабляюсь, хочется спать. Выбираюсь из душа, вытираюсь, и набрасываю рубашку, пахнущую Алексом и ветивером, на плечи. Легкая ткань не касается спины, рассечения перестают болеть – облегающее платье сильно на них давило.

Когда я выхожу, на столе ждет завтрак: блинчики с джемом и кофе. Я глотаю несколько кусочков, пью воду вместо кофе.

Алекс уже в постели.

– Ложись, дорогая, – он хлопает рядом с собой.

Я пристраиваюсь с краю, следя, чтобы между нами осталось достаточно места. Под просторной рубашкой я голая. Замечаю, что пистолет лежит на прикроватной тумбе с его стороны, готовый к использованию.

Беспредельщик ловит мой взгляд.

– Ты ведь не сделаешь глупость, Ника? – он смотрит мне в глаза, словно читает мысли, Алекс намекает, что я могу воспользоваться оружием против него. – Я могу спать спокойно?

– Я ничего не сделаю…

– Давай проверим, – Беспредельщик вкладывает пистолет мне в руку.

Я мычу и сопротивляюсь, когда понимаю план. Владея моей рукой, как своей, он приставляет ствол себе к нижней челюсти и вдавливает до упора, а второй за затылок притягивает меня к себе. Падает на спину, увлекая меня за собой, и я неожиданно оказываюсь сверху.

Он целует меня с закрытыми глазами, захлебываясь от наслаждения. Самозабвенно, словно не знает, выстрелю или нет… Палец лежит поверх моего на спусковом крючке, и даже слегка притапливает, словно ему нравится ходить по краю. Возбуждается с одного поцелуя. Через несколько секунд пальцы на затылке слабеют, и Алекс позволяет мне привстать. Я лежу на нем, чувствуя, как расслабилось массивное тело. С нескольких сантиметров ошеломленно смотрю в го-

лубые глаза, подернутые сладостной поволокой.

Алекс пусто смотрит на меня, и, наконец, отпускает руку.

– Знаешь, как приятно… – нежно шепчет он.

Это что было?

– Ты любишь адреналин, – догадываюсь я.

Он устало улыбается в ответ.

– Теперь верю, что не выстрелишь, – и возвращает пушку на место. – Давай спать… Через пару часов ехать.

Он гладит по шее, по копне влажных волос, силой заставляет лечь на грудь. Алекс засыпает мгновенно, а я долго смотрю на вороненый ствол. Сердце часто-часто бьется, я с ужасом вспоминаю ощущения во время поцелуя Беспредельщика: дрожь в пальце, ощущение гладкого металла под подушечкой... Я была готова орать ему в рот, чтобы он прекратил. Может быть, этого он и ждал.

Любит дразнить смерть.

Сумасшедший.

Но, может быть, поэтому он не винит меня в том, что горел заживо. Это объясняет страсть к скорости, как неуемно и дерзко он злил Толю, даже то, почему приехал к месту расправы один. Я закрываю глаза и думаю о Полинке. Моя девочка, наверное, плачет без меня, не понимая, что происходит, когда я думаю об этом, это разрывает мне сердце.… Мысли путаются. Я засыпаю со слезами на глазах.

Через несколько часов меня будит Алекс.

– Ника?

Я сажусь, озираясь: Алекс склоняется надо мной, поверх белой футболки, в которой он спал, надет пиджак, пистолета нет. Он уже привел себя в порядок и вернулся с кофе. Я торопливо вскакиваю с кровати, умываюсь в ванной и чищу зубы. Затем с сомнениями надеваю вчерашнее платье – больше нечего, торопливо затягиваю шнуровку босоножек и выхожу, перекинув его рубашку через руку.

Неловко беру стакан, ждущий на тумбе, и сажусь на неприбранную постель. Чувствую на себе взгляд – Алекс стоит у окна позади меня, и рефлекторно пригибаю голову. Сегодня мне уже не так паршиво, как вчера в гараже… Я почти не спала, но мне не хочется от стресса. Сегодня вечером мы будем в Москве. Он везет меня в паучье логово, и я больше думаю не о том, что случилось между нами в гараже, а о том, чтобы Алекс сдержал слово и защитил нас.

Сердце болит, не за себя – за дочь.

Я собираю его вещи, и мы идем в машину. Больше наручники он не надевает, убедившись, что я не убегу и не причиню ему вреда. При воспоминании о больном поцелуе Беспредельщика по спине бегут мурашки.

Мы почти не говорим в дороге.

Делать нечего и я смотрю на него. Хочется спросить про браслет, но Алекс выглядит отрешенным. Он почти не двигается, смотрит на дорогу и монотонно жмет газ. Я от дороги устала, а ему нравится… Легкая улыбка появляется на лице, когда скорость переваливает за сто пятьдесят.

В Москву мы прибываем поздно вечером. На часах начало двенадцатого. Загородный поселок удивительно тихий и живописный. Алекс подъезжает к глухим воротам. Дома за высоким забором не видно.

Алекс устал, но его лицо меняется, как только мы оказываемся за воротами: становится неуловимо агрессивным, с вызовом. Выходит из машины первым и, поправляя пистолет, смотрит на дом.

Шикарный особняк. Два этажа, пристройки, все окружено симпатичными лужайками и группой беседок. Где-то журчит вода, но фонтана в темноте не видно.

Алекс обходит авто и подает руку.

– Идем, Ника, – я выбираюсь из машины, на меня налетает осенний ветер. Холодно. Обнимаю себя руками. У меня болит спина, ноги затекли, я с трудом иду. Беспредельщик, берет меня за руку, видя, что мне трудно, и помогает подняться по ступеням крыльца.

Как только попадаю в дом – опускаю глаза. Но успеваю заметить, что стены белые, а холл очень просторный. Пол дорогой и звонкий, в черно-белый рисунок, как огромная шахматная доска. Краем глаза замечаю, что в холле мы не одни – к нам вышел мужчина, но я боюсь поднять глаза.

– Отец у себя?

– В кабинете… – раздается голос, который я слышала по телефону.

Алекс ведет меня к лестнице. Ощущая враждебные взгля-

ды, я жмусь к нему и кусаю губы, чтобы не заплакать. Это чужой дом, я чувствую давящую атмосферу. Когда Алекс заводит меня в кабинет, меня колотит.

У окна спиной к нам стоит мужчина. Седой, в черном костюме, рослый и еще крепкий. В отражении оконного стекла я вижу, что ему хорошо за шестьдесят. Чем-то напоминает Толю, но очень ухоженный – это видно по стрижке, волоски лежат один к одному; по посадке костюма: непередаваемый лоск.

Он оборачивается и безжалостно смотрит на меня.

– Какого хрена ты притащил шлюху Захарова в дом? – у него сильный, глубокий голос и взгляд, которого я пугаюсь. – Только она? Ребенка не нашел?

Мужчина идет к столу, Алекс сжимает мою трясущуюся руку и успокаивающе говорит:

– Садись, Ника, не бойся, – он усаживает меня на стул прямо под пугающим взглядом своего отца. – Полегче, отец. Это моя невеста.

Глава 12

У мужчины странное лицо – будто подавился новостью. Оставаясь невозмутимым, он усаживается в кресло, за которым к потолку тянутся стеллажи, забитые книгами. У меня есть секундочка рассмотреть его, пока тот что-то взвешивает.

Они не похожи. У Алекса другое лицо, он крупнее, выше. Другая структура волос. Русый цвет и голубые глаза Алекса достались ему от матери.

Мужчина вновь смотрит на меня.

– Я правильно понял, – говорит он сыну, – что с Алисой ты порвал?

Женское имя звучит ядовито. У меня екает сердце. У него кто-то есть… Была еще тогда, когда Алекс валял меня на капоте «мустанга».

– Я ничего не обещал Алисе.

Мужчина хмыкает.

– Кто ее отец ты уже не помнишь? Мне опять придется краснеть за твои выходки?

– Отец, я устал. Ехал всю ночь. Накануне дрался. Почти не спал. Давай поговорим завтра. Я не спрашиваю разрешения, это мое дело, на ком жениться, и обсуждаться не будет. Точка.

Мужчина вновь смотрит на меня. Пальцы задумчиво сту-

чат по темно-коричневой столешнице. Что в ней особенного? – спрашивает взгляд. – Что ты задумал, щенок? Мне стыдно за фривольное платье, хочется натянуть подол на колени, но под этим взглядом я даже шевельнуться боюсь.

– Ты нашел Захарова?

– Нет, пап. Даже следов, ни его, ни ребенка.

У меня дрожат руки – он про Полинку… Я впервые задумываюсь: что будет дальше? Вот я здесь, в мрачном доме, пропитанном похоронной энергетикой, словно здесь никогда не улыбаются… А дальше? Я стану женой Алекса и если дочку найдут – ей позволят остаться со мной? Или для них она будет чужачкой?

– Я предупреждаю, – заканчивает Алекс, сжимая мне плечо. – Отнесись серьезно. Ни ты, никто из твоих людей или людей Сергея не тронут Нику. Она моя будущая жена.

– Утро вечера мудренее, сынок, – неожиданно отвечает тот.

По тому, как они держатся видно, что в прошлом был конфликт. Алекс выводит меня из кабинета. Наш брак не одобряют. Очень нехорошее чувство. Ничего странного, я понимаю: у меня была роль жертвенной овцы, а сынок спутал им планы.

Алекс отводит меня в конец крыла на втором этаже. В коридоре холодно, словно здесь давно не живут.

– Ты что, дрожишь? – спрашивает он. – Замерзла? Или испугалась?

Мне хочется спросить про дочь, но не успеваю. Он открывает дверь в просторную комнату с двухспальной кроватью. Окна занавешены портьерами до пола. Здесь прохладно, комната производит нежилое впечатление, постель застелена. Наверное, для гостей… Есть санузел, гардеробная. И нет пыли, словно ее недавно вытерли.

– Чувствуй себя, как дома, – Алекс садится на кровать, вздыхает. В голове шумит после долгой дороги, и он выглядит вымотанным. – Не бойся. Я предупредил, что ты моя невеста, тебя не обидят.

А что было бы в другом случае? Это дом его отца. Он злился, что меня – захаровскую шлюху – Алекс притащил сюда. Пытаюсь представить, что со мной было бы без нашей сделки, и содрогаюсь.

Мне холодно и неуютно. Алекс замкнулся, рядом с ним страшно. Я иду в ванную, не зная, куда себя деть. Она шикарна: зеркала, свет, бело-золотой кафель. Небольшая, но умелым дизайном и правильно поставленным светом создано ощущение пространства. Я мою руки и умываюсь. У меня испуганно-напряженный вид, словно я постоянно жду опасность. Как животное в клетке. Алекс не понимает страхов женщины, оказавшейся среди врагов в чужом доме.

– Ника, – зовет он, и я возвращаюсь в комнату.

Алекс снял пиджак и сидит в той же позе. Ковыряет браслет. Я сажусь рядом, следя, чтобы между нами было пространство – не хочется вплотную.

– Ты голодная? – продолжает он. – Я ужинать не буду, спать хочу…

Я надеюсь, он не тронет меня. Он устал, и днем, заметив, что я избита, не стал давить. Кто знает, вдруг повезет и он не будет насиловать меня всякий раз, когда я не хочу, а он хочет…

– Алекс, о моей дочери… – я пытаюсь сформулировать вопрос. – Нас разлучили в тот же день. Я три месяца ничего о ней не знаю. Ты что-то слышал о ней?

Он смотрит на меня, и я не скрываю, как мне больно.

– Она с Захаровым, – спокойно отвечает он. – Где он, неизвестно, но мы думаем, страну они не покидали.

– А когда вы ее найдете? – я перестаю дышать от страха. – Что будет? Что с ней станет?

Под браком он мог подразумевать только наш союз. Зачем ему чужой ребенок? Алекс видит тревогу в моих глазах.

– Не переживай, Ника, – серьезно говорит он, не осталось ни капли от того Алекса, который бешено жал на газ или целовал меня, приставив к шее собственную пушку. – Я детей не убиваю.

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не плакать, но слезы все равно застилают глаза. Алекс возится с лохматым краем браслета: пытается сплести обратно, а мне хочется подлизаться.

– Дай руку, – прошу я. – Я помогу.

Помедлив, он протягивает руку. Я расправляю нити и на-

чинаю переплетать браслет. Пальцы действуют уверенно и неторопливо, я много раз заплетала косы куклам. Становится грустно от воспоминаний: в детской мы с Полинкой весело болтаем и плетем косички… Нити рвутся и расползаются, браслет буквально разваливается на части: нити старые, плюс пострадали от огня.

– Брось, – Алекс расстроенно трясет запястьем, видно, что браслет ему жаль. – Ему конец.

– Сними. Я подберу такие же нити и поменяю. Я умею.

Алекс развязывает браслет, я разглаживаю его на ладони, ощущая тепло.

– Давай спать, – устало предлагает он.

Мы ложимся вместе, но Алекс сразу же засыпает, оставив меня в тяжелой тишине большого дома. На потолке тени от деревьев, свет проникает между неплотно задернутых штор.

Просыпаюсь на рассвете. Постепенно в комнате становится светло, Алекс спит рядом. Я выбираюсь из теплой постели и прячусь в ванной. В этом доме я не могу расслабиться и постоянно жду, что кто-то войдет, нападет, оскорбит… Агрессия витает в воздухе, я чувствую ее кожей.

Я принимаю душ и голая кручусь перед зеркалом, пытаясь увидеть спину. Заражения удалось избежать. Ссадины чистые, заживают, и кожа не такая красная и раздраженная, как вчера. Двигаться почти не больно. Это значит, что скоро я выйду замуж…

Случайно замечаю, что Беспредельщик стоит в дверях и

сонно смотрит на меня. Я тут же прикрываюсь руками и выскальзываю из ванной. Смущенно закутываюсь в его рубашку, хотя Алекс не видел меня голой, но везде меня касался. Он усмехается, наблюдая за мной.

– Смотри не открой голой дверь, – говорит он. – Сейчас принесут одежду. Нас ждут к завтраку.

Стук в дверь. Мне приходится открыть – потому что Алекс в ванной.

– Доброе утро, – в коридоре пожилая женщина со стопкой одежды. На ней черное глухое платье, волосы уложены в строгий пучок.

Не зная, что делать, я пропускаю ее в комнату. Она раскладывает на постели полотенца, одежду для меня, комплект из персикового кружева. Она работает степенно, четко, бросает на меня странные взгляды. Я никак не могу понять, как она ко мне относится, но ведет себя так, словно я – инородное тело. Из ванной выходит Алекс и нас тут же оставляют одних. Я сажусь на край постели, перебирая пакетики с нижним бельем. Мне неловко, что все это разложено прислугой у него на глазах, словно меня пытались унизить. Неужели нельзя было убрать в шкаф?

– Как ты себя чувствуешь? Как спина?

– Хорошо, – киваю я.

– Одевайся. Мы опаздываем, не будем заставлять ждать.

В гостиную мы спускаемся вместе. Я иду за Беспредельщиком, стараясь держаться в его тени – чтобы весь удар он

взял на себя. На нем черный костюм и белая рубашка, а мне принесли нарядный светлый сарафан. Не знаю, кто выбирал, но к завтраку он не слишком подходит: юбка до колен с мягкими складками, по подолу крупные красные маки. Также мне принесли белые босоножки на каблуке и персиковый кардиган. Вещи дорогие, от громких брендов.

Мы останавливаемся на пороге. Алекс держится непринужденно, я цепляюсь за его локоть и несмело поднимаю глаза. Я жду увидеть семью за завтраком, и в гостиной действительно накрыт стол... Блеклый, без красок: белая скатерть, белая посуда, сияющие приборы.

В гостиной почему-то одни мужчины. Одеты строго, по-деловому, словно на выход.

– Наконец-то, – говорит отец. – Долго спишь, сынок.

Беспредельщик усмехается.

Все садятся за стол, в гостиной такая атмосфера, словно это поминки. Я рядом с Беспредельщиком, сижу, опустив глаза в тарелку. Мне не по себе, я физически ощущаю, что все взгляды прикованы ко мне.

Это исключительно мужская семья. Отца я уже знаю. Кроме него за столом трое мужчин. Слева от него пожилой – ему в районе шестидесяти, еще двое моложе. Один, кажется, брат Алекса – улавливается сходство, и волосы того же оттенка. Второму парню около тридцати. У него темные волосы и взгляд с непреходящим прищуром.

Где их женщины? Жены, мама Алекса, подружки? Но из

женщин за столом только я. Прислуга разносит завтрак: фаршированные яйца, ветчину, хлеб. Но что удивляет – легкий алкоголь.

– Это она?

– Да, это Ника, – заявляет Алекс, выставляя на стол две бархатные коробочки для колец. – Спасибо, что пришли на мою помолвку. Свадьба состоится послезавтра.

Глава 13

Незнакомый мужчина бьет кулаком по столу. Жалобно звякают тарелки, в наступившей тишине я не могу дышать. Не всех на званом завтраке предупредили, кем будет невеста.

– Ты что себе позволяешь! Саша! Ты привез девку Захарова и берешь ее в жены?

Незнакомое «Саша» режет слух. Будто не о нем.

Алекс наклоняется, глядя на мужчину. Челюсть выдвинута вперед, он делает вид, что обнимает меня за талию, но на самом деле заводит ладонь себе за спину и кладет на рукоятку пистолета. Сердце мучительно сжимается от страха. Внутри семьи не такие хорошие отношения, как казалось…

– Это ты позволяешь себе лишнее, дядя Сергей, – у Алекса холодные, уверенные глаза. Это не игра, не гонка за острыми ощущениями. Он знает, что делает.

– Хватит! Сергей, прекрати, – голос отца звучит тяжело и предостерегающе.

Тот встает, отходит к окну в конце гостиной и закуривает. Долетает слабый запах дыма, мгновенно напоминая о Толе. Худшие моменты моей жизни связаны с этим запахом. Непроизвольно напрягается спина: я вспоминаю, как он привозит меня в свою резиденцию и избивает нагайкой.

– Что происходит, Саша? – хрипло спрашивает отец. – Зачем она тебе? Назло нам в жены берешь? Прости, если оби-

дели. Но опомнись. Зачем такую женщину вводить в круг семьи?

– Какую? – спрашивает Алекс.

Они молчат.

– Вот и хорошо, – он открывает коробочки с обручальными кольцами и маленькое надевает на мой безымянный палец. У меня дрожат руки, но второе он дает мне и подставляет свою руку. Я делаю то же самое… Мы обручены.

Алекс при всех целует меня в губы. Не с таким огнем, как в том гараже, где он хотел орального секса, но страсти больше, чем нужно, чтобы скрепить помолвку. Тот мужчина – Сергей – оглядывается и через клубы дыма смотрит, как мы целуемся.

– Прошу уважать мой выбор, – говорит Алекс, облизав после меня губы, словно я вкусная. – Свадьба состоится в нашем доме.

Ему отвечает гробовая тишина. С усмешкой Алекс начинает за мной ухаживать: кладет на тарелку несколько кусочков ветчины, гренки, пару ложек салата. Себе наливает кофе.

– Ты будешь? – он наклоняет кофейник к чашке. – Если хочешь, тебе приготовят чай.

Он ведет себя так, словно у нас настоящая помолвка. Специально бесит членов семьи. Я ощущаю их ненависть кожей – она похожа на летящие в меня ножи. Я ничего не отвечаю Алексу, он сам решает, что я буду кофе, по своему вкусу добавляет сливки и сахар. Никто не ест – Алекс всем испортил

аппетит. Я сижу, опустив голову, и хочу по-детски убежать в комнату, чтобы спрятаться под одеялом, как делала Полинка. Она такие гренки просто обожала… На тарелку капает слеза, когда я думаю о дочери. Какое счастье, что Полинки нет в этом чистилище. Как она там, совсем крошка… Толя никогда не оставался с ней дольше, чем на пять минут. Ему не нужна дочка, зачем он ее забрал? Сделать больно мне? И плевать, что ребенок при этом чувствует?

Отец Алекса пьет рюмку водки. Дядя берет себя в руки и возвращается за стол. Завтрак мы заканчиваем в молчании. Я съела кусочек ветчины и больше не смогла. Алекс внимательно следит за присутствующими, складывается впечатление, что семья играет в покер без карт: пытаются считать настроения и будущие шаги по лицам.

После завтрака мы не расходимся. Алекс предлагает мне коктейль: он пахнет лимонным соком и мятой. Я не могу пить, делаю глоток через силу.

– Сынок, – зовет его отец. – Подойди.

Алекс оставляет меня у окна. Появляется чувство, что меня бросили на отвесной скале без страховки. Замираю и смотрю в окно. Вчера я плохо рассмотрела двор: здесь красиво. Ухоженные лужайки и живая ограда, вымощенные тропинки. Перед беседкой фонтан с декоративным прудом, их я не заметила в темноте. Ко мне подходит молодой темноволосый мужчина, он был за завтраком, но я так и не поняла, кто он Алексу.

– Ника, значит? – с приятной улыбкой говорит он, и продолжает. – Если бы меня предупредили, что сюда можно со шлюхами, я бы тоже свою привел.

Я не знаю, как реагировать и оглядываюсь на Алекса.

– Прошу меня извинить.

Алекс провожает его взглядом, когда тот отваливает, и подходит ко мне:

– Что он сказал?

Я автоматически бормочу какую-то ерунду. Стыдно признаться, что меня оскорбили, и в глаза Алексу не могу смотреть. К счастью, помолвка подходит к концу. Алекс ведет меня наверх. Я чувствую себя оплеванной. Срываю кардиган, сбрасываю туфли и иду в ванную. В тихой истерике смотрю на себя в зеркало. В этом доме мне придется жить? Среди них? Я не выдержу, они изведут меня, может быть, что-то подобное случилось с остальными женщинами семьи.

Когда я выхожу, Алекса нет. Ушел к отцу? Разбираться с мужчинами?

Подбегаю к окну и выглядываю вовремя, чтобы увидеть, как «мустанг» выезжает за ворота. Прикусываю губу. Даже не подумал, чтобы предупредить. Хотя кто я такая, чтобы он обо мне беспокоился?

В чужом доме страшно. Прислушиваясь к звукам из коридора, сажусь на кровать. Полностью расплетаю браслет и раскладываю, пытаясь понять, как починить с наименьшими потерями. Здесь больше нечего делать, а рукоделие успока-

ивает. И я обещала Алексу. В дверь стучат, я рефлекторно сжимаюсь, но будь это кто-то из мужчин – они бы вошли. Наверное, прислуга.

Робко открываю: в темном коридоре та женщина в черном платье. Приглашаю войти, она направляется в ванную, но видит на постели то, что осталось от браслета.

– Ты что натворила? – ноздри расширяются от гнева. – Разодрала браслет! Ты знаешь, что он с тобой сделает?!

От неожиданности я вздрагиваю, чувствуя себя преступницей. Не знаю, что обо мне сказали, но уважения к невесте Алекса нет даже у домработницы.

– Я его переплетаю, – твердо отвечаю я. – Алекс меня попросил.

– Сам попросил? – удивляется она, резко вспоминает про свои обязанности и, пробормотав извинения, убирает в ванной, затем протирает пыль, пока я вожусь на кровати с красно-белыми нитками.

Разные виды плетения. Сначала сложное, затем неумелое, словно Алекс пытался починить его сам. Я сумею собрать его обратно, но он станет либо короче, либо уже, совсем без потерь не получится – нитки пострадали от возраста и огня. Я посматриваю на домработницу, которая с суровым лицом возится с уборкой. Хочется расспросить, почему браслет так дорог ему, но я упрямо молчу. Не хочу, чтобы они решили, что Алекс ничего мне не рассказывает.

Но когда женщина уходит, я не выдерживаю:

– Вы не знаете, куда он уехал?

Она качает головой.

– Не жди его. Он может под утро прийти, – она задерживается в дверях. – Я поищу пряжу, где-то осталась.

– Спасибо.

Около восьми домработница приносит ужин и пакетик с пряжей. Я перебираю ее – от нее пахнет пылью, шерстью и средством от моли. Стираю, сушу на подоконнике, представляя, сколько уйдет на работу.

Алекс не приходит ни ночью, ни следующим днем.

Я не нахожу себе места, не выхожу из комнаты – боюсь его родню. Утром домработница приносит завтрак: салат из киноа с овощами, омлет и кофе со сливками.

– Что случилось? – ахает она, заметив, как с грустным видом я сижу на кровати. – Всю ночь не спали?

– Алекс не пришел.

– Так я же сказала, что может задержаться. У вас завтра свадьба. Он с друзьями развлекается. А невесте надо отдохнуть, у вас синяки под глазами.

Я хмурюсь: мальчишник. Ночью мне что только не лезло в голову, а он развлекается… Может быть, поэтому провел официальную помолвку? Чтобы меня было не страшно оставить?

– Ложитесь спать! – требует она, словно отвечает за мою красоту перед Алексом.

В полдень на примерку приносят платье. Незнакомая жен-

щина помогает одеться, профессиональными движениями поправляет юбку, измеряет длину, рукава и глубину декольте, бросая взгляды в зеркало. Это немолодая, но стильная блондинка в очках. Ногти миндалевидной формы покрыты ярко-розовым лаком, на ней массивные очки в черной оправе с минимумом диоптрий или вовсе без них. Она выглядит такой независимой и уверенной в себе, что я завидую.

– Великолепно, – заключает она. – Вам нравится? Модель устраивает?

Платье очень элегантное: овальное декольте, белый шифон и свободная юбка. Рукава до локтя и никаких украшений.

– Александр пожелал модель с закрытой спиной, – добавляет она.

– Отличный выбор, – говорю я.

Осмотрительно. Ссадины, оставленные рукой Костика, зажили, но будут заметны. Блондинка набрасывает на меня фату.

– За пятнадцать лет работы, впервые вижу настолько прекрасную невесту. Алекс будет безумно счастлив…

Она говорит это каждой девушке, хотя выглядит искренней. Я думала, мы просто оформим документы, но здесь серьезно относятся к семейным делам: помолвка, свадьба. После примерки меня посещает стилист, тщательно рассматривает лицо и подбирает палитру.

– У вас есть пожелания к макияжу и маникюру?

Я смотрю на себя в зеркало. Естественное освещение вернуло мне румянец. Последние дни оставили отпечаток грусти. Я не хочу ярких красок. Не хочу быть той, какой меня любил видеть Толя.

– Пусть губы будут естественного цвета.

Вечером я начинаю сплетать браслет. После стирки нити непослушные, но мне нравится результат, хотя плести придется долго – неделю, не меньше. Пальцы дрожат – я сильно волнуюсь перед завтрашним днем. Чувствую себя брошенной и никому не нужной. Беспредельщика нет второй день и свадьба кажется странным фарсом. Я принимаю душ и около десяти ложусь в постель, стараясь не думать о том, что будет, если он не придет и завтра.

Алекс появляется за полночь. Поддатый. Я не люблю пьяных мужчин и боюсь их. Худшие из выходок Толя совершал нетрезвым. Я делаю вид, что сплю, а Алекс садится на свою сторону кровати, тяжело дышит, стаскивает ботинки, кое-как снимает рубашку и падает. От него пахнет алкоголем, потом и… кровью. Когда он засыпает, я привстаю, осматриваю его, наклоняюсь к рукам – костяшки разбиты, он снова дрался... Такой у меня будет муж: агрессивный, развязный и с вечным адреналиновым голодом.

Накануне свадьбы невесте сложно заснуть.

Я рассматриваю его: умиротворенное во сне лицо, жилку, пульсирующую на бычьей шее, раскинутые мускулистые руки. Следы ожогов, которые со временем посветлеют…

Я его не люблю.

Стану его женой, буду ублажать, но не люблю. Ни капли. Я его не знаю. Толком не понимаю, что к нему чувствую. Страх. Желание подлизаться, чтобы выпросить участь получше. А под всем этим разочарование, досаду, и злость. Вот и все. Я не люблю тебя, Алекс. Ни грамма. Ты лучше, потому что не бьешь меня плетью, моложе, чем он… Но мне кажется, что итог будет тем же: если жить с мужчиной без любви рано или поздно начнешь его ненавидеть. Я знаю об этом всё. Ненависть навязла у меня на зубах.

Я ложусь рядом и смотрю на будущего мужа, представляя завтрашний день.

Глава 14

Просыпаюсь рано – не могу спать. Алекса рядом нет, но постель еще теплая. Из коридора доносятся тихие голоса.

– Саша, зачем ты это делаешь?..

Крадусь к двери. В коридоре Алекс вполголоса разговаривает с братом.

– Хочешь, оставь ее себе. Отец не против. Станет твоей девушкой, с ней будут хорошо обращаться. Отмени свадьбу. Ты понимаешь, что женишься на шлюхе Захарова?

– Я назад слов не беру.

– Ты нас позоришь. Что на тебя нашло, придурок? – голос стал тише. – Ты влюбился?

Я перестаю дышать. Алекс тихо отвечает, в голосе слышен металл. Наконец, я начинаю разбирать слова – из-за меня грызутся.

– Ты из-за нее теперь урод. Не жена – значит, шлюха…

– Я с ней обручен! Начинай выбирать выражения в отношении моей невесты. В отличие от тебя, я думаю о будущем семьи. Лишили меня наследства – хорошо. Больше вы ничего от меня требовать не можете. Вали на хрен.

– Добрый совет. Будешь зарываться, они ее убьют.

– Я тогда ни для кого свинца не зажму. Так и передай им.

Их перебивает быстрый стук каблуков. Разговор стихает.

– Господа, прошу прощения, – узнаю голос блондинки.

– Нам пора готовиться… Нет, Александр, не входите! Вам нельзя. Видеть невесту до свадьбы – плохая примета.

– Я ее два дня не видел.

– Счастья не будет в доме. В полдень она вся ваша, – голос блондинки падает на октаву, становится чарующим, с нотками тайны. – А пока нам нужно подготовиться к самому важному дню в ее жизни.

Я понимаю, что сейчас войдут и отшатываюсь от двери. После подслушанного разговора горят щеки. Мне хочется, чтобы вместо свадебной распорядительницы это был Алекс. Отец согласился не резать меня на куски Толе назло, но меня не примут. И я могу их понять: подстилку кинувшего их должника младший сын берет в жены вместо публичной казни. Брат прав: за спиной их ждут позор и насмешки. Единственный кого я не понимаю – Алекс. Его лишили наследства – за это он мстит нашим браком? После предупреждения «будешь зарываться, ее убьют», леденящий страх, как острая игла входит в сердце.

Дверь широко распахивается. Блондинка, сияя улыбкой, стоит на пороге. На ней шикарный брючный костюм – темно-бордовый, с открытыми плечами. Очки другой формы, но с неизменной черной оправой. Волосы тщательно уложены, естественный макияж безупречен. Она такая счастливая, словно сама выходит замуж.

Я пытаюсь увидеть в коридоре Алекса, не успеваю – дверь закрывается.

– Доброе утро! Готовы к самому важному дню? – блондинка замечает, что я только встала, не причесана, на мне кружевной халат. – Выпьем по чашечке кофе и приступим?

Самый важный день. Ложь! Самый важный день – когда я родила Полинку. Вернее, это была грозовая ночь. Я стонала в постели, до крови кусая белые губы. Толе это надоело, он позвонил в скорую и сказал, что «женщина рожает».

Не хочу кофе. Но домработница приносит кофейник на подносе, молочник и две чашки. На тарелке горка печенья с шоколадной крошкой, свежие круассаны с абрикосовым и клубничным джемом, мгновенно напомнившие о Полинке. Блондинка разливает кофе, весело болтая, какой прекрасной будет моя свадьба, словно не замечает, как невеста бледна.

– Вы знакомы с Алексом? – спрашиваю я, мне кажется, она не совсем посторонний человек в семье. Посторонних здесь нет вообще.

– Больше с его отцом. Я супруга одного из его заместителей.

– Отец Алекса… – я отвожу глаза. – Меня не одобряет?

– Что вы… – блондинка с негромким стуком ставит чашку на стол. – У них… непростые времена. Но ведь главное – чувства.

Я слушаю медовое вранье. Блондинка производит впечатление умной женщины: лишнего не сболтнет.

– Бедный Алекс… После того, что случилось, был сам не свой. Расправа, шрамы… – до меня доходит, она хочет ска-

зать, что семья обвиняет в этом меня. – Отец сильно переживал, Алекс любимый сын. Но надейтесь, он оттает, я уверена.

Блондинка нервничает и пытается сгладить углы. Я долго вращалась среди таких людей. Я их знаю. Любимых сыновей не лишают наследства. Алекса послали следить за тем, как Толя распоряжается деньгами семьи. Он провалил задачу – из-за меня. Так они думают. Из-за меня накосячил, горел, чуть не погиб. Семья могла в нем разочароваться. Или здесь что-то глубже... Замужем за ним я не в безопасности буду, напротив. Я не хочу вызвать гнев семьи, но, видимо, придется стать странным козырем в руках будущего мужа в только ему понятной войне. У меня ничего нет. Ничего, кроме проблем и дочки – я не знаю, чем я могу помочь Алексу. Может быть, он действительно влюблен? Несмотря на мою ложь и оставленные шрамы? Он так хотел меня…

– А где его мама? – спрашиваю я.

– О-о-о, – из-за серьезного выражения лица становится виден возраст блондинки – лет пятьдесят. – Она трагически погибла, несчастный случай много лет назад.

– Сколько было Алексу?

К нам стучат.

– Простите! – блондинка вновь надевает маску оживленной радости, спешит к дверям, и впускает помощниц: визажист, парикмахер. Она рада поводу завершить разговор.

Девушки начинают колдовать. Волосы укладывают, закалывают шпильками с жемчужинами. Выравнивают мне тон,

просьбу учли – в ход идут пастельные тона. Простой макияж подходит к платью и незамысловатым украшениям. Губы покрывают помадой натурального розового оттенка.

Я одеваюсь в ванной: комплект кружевного белья, белые чулки. Дохожу до подвязок, руки дрожат. Отсутствуя, Алекс подарил мне несколько спокойных дней. Но сегодня нас ждет брачная ночь.

Надеваю платье, выхожу и встаю перед зеркалом. Кто-то должен помочь с застежкой на спине. Это делает блондинка. Она непрофессионально ахает, увидев, что спина исполосована шрамами. Я не смущаюсь, ничего не объясняю, без эмоций продолжаю смотреть на себя.

Блондинка впервые теряет уверенность в себе. Застегивая платье, невзначай наклоняется и шепчет:

– Это Алекс сделал?

Ничего не спрячешь. По мне видно, что между нами нет любви. Она видит: что-то не так, невеста не похожа на счастливую. Может, даже знает, что меня должны были убить вместе с дочерью.

– Нет, – я качаю головой. – Не Алекс.

Она вздыхает от облегчения. Заканчиваем мы в тишине.

Мне поправляют фату, приносят букет невесты. Время к полудню. На мне нет лица: я бледная, напряженная, в глазах стоят слезы. Прежде чем оставить меня одну, блондинка неожиданно сердечно целует меня в лоб и набрасывает на лицо вуаль.

– Дорогая, желаю тебе не счастья, а поменьше слез. Такая у женщин судьба, Ника. Нас выбирают, а не мы, – она эмоционально накрывает рот ладонью, блеснув темно-красным лаком. – Он скоро за тобой придет.

Улыбнувшись с надеждой и болью, она уходит, словно торопится поплакать в темном уголке. Она все поняла.

В комнате, залитой светом, я сижу на брачном ложе в подвенечном платье, сжимаю букет из белых роз и гортензий, и жду, когда за мной придут. Я часто представляла день моей свадьбы: я невеста, наверное, буду счастлива…

А мне хочется выть. Сердце разрывается на части.

Сегодня я стану женой Беспредельщика. Я не верила, но все-таки это случится. У меня красивое платье, фата, букет. На этой свадьбе не будет моих гостей, только мужчины его семьи. Я в чужом доме. Не знаю, что меня ждет и по венам течет страх.

Я тихо молюсь за себя и дочь, пока в коридоре не раздаются шаги.

Глава 15

Открывается дверь, и я поднимаю голову.

Алекс.

Мы видим друг друга впервые за несколько дней. На нем черный костюм. Детали выверены до мелочей. Сияют алмазные запонки, в нагрудном кармане соцветие белой гортензии. Воротник рубашки глухо застегнут, красные рубцы от ожогов, похожие на жуткие родимые пятна, видны на лице, нижней челюсти и немного на шее. Строгий внешний вид придал ему собранности. Голубые глаза смотрят с выражением победителя.

– Свадебный подарок, – Алекс приятно улыбается, в левой руке он держит белый бархатный футляр, большой и плоский, как коробка конфет.

Футляр он кладет на постель, поднимает крышку. В складках кремового атласа блестят крупные жемчужины: белые с редкими в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.